

ДЕЛО О ПОГАСШЕЙ СОВЕСТИ

Станислав Острожский

ДЕЛО О ПОГАСШЕЙ СОВЕСТИ

Станислав Острожский

Произведение основано на реальных событиях; отдельные факты и герои интерпретированы в художественной форме.

Оглавление

Пролог

Глава 1. ТЕНЬ В МАНТИИ

Глава 2. ВИЗИТ

Глава 3. ПАПКА С ПРОШЛЫМ

Глава 4. ЦЕНА ПРАВОСУДИЯ

Глава 5. БУМАЖНЫЕ СОЛДАТЫ

Глава 6. ГОЛОС С ТОЙ СТОРОНЫ

Глава 7. ПЕРВЫЙ ПЛАТЕЖ

Глава 8. ЖУЧКИ В ИСПОВЕДАЛЬНЕ

Глава 9. ЭХО СТАРОГО ДЕЛА

Глава 10. ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Глава 11. ГОРОД БЕЗ ОГНЕЙ

Глава 12. ТЕАТР ПРАВОСУДИЯ

Глава 13. СЛОВО ЗАКОНА

Глава 14. ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

Глава 15. ДОЛГИЙ ЗАКАТ

Пролог

Война, о которой пойдет речь, не велась танками и артиллерией. Ее полями сражений были не окопы, а залы судебных заседаний. Ее оружием были не пули, а слова — тщательно откалиброванные, ядовитые, облеченные в мантию «экспертизы». Ее солдатами были не люди в камуфляже, а чиновники в строгих костюмах, журналисты с послушными перьями и следователи с заранее написанными обвинениями. Это была война за умы, тихая и беспощадная, война против инакомыслия, которую развязали во имя защиты традиций, нравственности и государственной безопасности. Война, главным трофеем в которой была погасшая совесть — сначала у тех, кто ее вел, а затем и у всей системы, которую они подмяли под себя.

И у этой войны был свой дирижер. Человек, чье имя стало синонимом охоты на ведьм в России двадцать первого века. Человек, который вернулся на родину после пятнадцати лет в Америке не для того, чтобы строить мосты, а чтобы возводить стены. Его звали Александр Леонидович Дворкин.

Он не был ни генералом, ни министром. Официально — всего лишь профессор, историк, православный богослов. Но его реальная власть простиралась далеко за пределы университетских аудиторий. Он был архитектором страха, главным идеологом антикультистского движения, превратившим религиоведение в карательную дисциплину. Именно он ввел в русский язык и общественное сознание зловещий термин — «тоталитарная секта». Это словосочетание стало его универсальным клеймом, черной меткой, которую он мог поставить на любую группу, чья вера, философия или образ жизни отличались от им же установленной нормы.

«Секты себя в обществе ведут, как раковая опухоль в организме...» — вещал он с телеэкранов, и общество, измученное хаосом девяностых и жаждущее простых ответов, внимало ему. Образ был сильным, первобытным, вызывающим инстинктивный страх. Рак нужно вырезать. Безжалостно. Пока метастазы не поползли по всему телу нации. Дворкин предлагал себя в качестве хирурга.

В 1993 году, вскоре после возвращения в Россию, он основал свой главный штаб — «Центр религиоведческих исследований во имя святого Ирины Лионского». Звучало солидно, по-научному. Позже этот центр стал ядром разветвленной сети — Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), чьи щупальца протянулись по всей стране. Десятки региональных «центров» стали его глазами и ушами, собирая информацию, фабрикуя «досье» и готовя почву для удара. За международное прикрытие отвечала FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве, где Дворкин занимал пост вице-президента, придавая своей локальной инквизиции респектабельный европейский фасад.

Машина заработала. Ее механизм был прост и дьявольски эффективен. Сначала — публичная демонизация. Через подконтрольные СМИ, лекции для силовиков и священников, выступления на конференциях создавался образ врага. «Деструктивный культ», «психологическое манипулирование», «финансовая эксплуатация», «разрушение семей», «угроза психическому здоровью», «связи с ЦРУ» — стандартный набор обвинений кочевал из одной статьи в другую, из одного выступления в третье, постепенно проникая в сознание обывателей и чиновников.

«Я не борюсь с сектантами, — говорил Дворкин, примеряя маску гуманиста. — Я борюсь с сектами за сектантов. Сектанты — это наши с вами братья и сестры, которые в какой-то несчастный момент своей жизни оказались обманутыми бессовестными манипуляторами...»

Эта риторика была его главным козырем. Она позволяла оправдывать самые жестокие методы «спасением заблудших душ». Под этим соусом подавалась любая репрессия.

Второй этап — «экспертиза». Когда общественное мнение было подогрето, в дело вступали «эксперты» — чаще всего сам Дворкин или его ближайшие соратники из РАЦИРС. Они писали заключения для судов и следствия, где, ссылаясь на собственные же книги и статьи, «научно» доказывали «деструктивный» и «тоталитарный» характер очередной организации. Создавался замкнутый круг, где обвинитель сам себе был и экспертом, и главным свидетелем. Ярославский суд в одном из процессов прямо установил

отсутствие у Дворкина профильного религиозно-правового образования, но это уже не имело значения. Маховик был запущен, и остановить его было невозможно.

Третий этап — юридическое уничтожение. Вооруженные «экспертизами» РАЦИРС, прокуратура и Министерство юстиции подавали иски о ликвидации. Суды, находясь под давлением общественного мнения и негласных указаний сверху, послушно штамповали нужные решения. Любая попытка защиты апеллировать к закону, к Конституции, к свободе совести разбивалась о стену заранее принятого вердикта. Для особо упорных в ход шло уголовное преследование по универсальной статье об экстремизме.

Эта машина, была обкатана на десятках мишеней. И самой показательной, самой масштабной репетицией стало уничтожение «Свидетелей Иеговы».

Охота на «Свидетелей» началась задолго до их полного запрета. Она шла по классической схеме: от локальных стычек к тотальной войне. В 2004 году, после многолетних судебных тяжб, была ликвидирована их московская община. Обвинения были стандартными: разжигание розни, разрушение семей, отказ от медицинской помощи. Затем был Таганрог. В 2009 году местную организацию запретили, а ее литературу признали экстремистской. Это стало прологом к знаменитому «Делу шестнадцати», когда в 2011 году против членов общины возбудили уголовное дело, обвинив их в создании преступной группировки. Процесс тянулся пять лет и закончился обвинительным приговором — условными сроками и штрафами. Это был первый случай в современной России, когда людей осудили не за конкретные преступные деяния, а просто за веру.

Эти локальные победы лишь разожгли аппетит системы. 15 марта 2017 года Министерство юстиции РФ, опираясь на накопленный массив «правонарушений» и «экспертиз», подало иск в Верховный суд о полной ликвидации «Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и всех его 395 филиалов.

Дворкин и РАЦИРС торжествовали. Их юридический центр немедленно выпустил заявление:

«Мы расцениваем решение суда как закономерный акт справедливости, гуманности и доброй воли государства, направленной на защиту прав человека, на оздоровление общественно-политической ситуации в нашей стране».

Далее в заявлении следовал уже знакомый набор ужасов:

«Особую опасность представляют для нашего народа применяемые в данной организации методы подавления воли людей, откровенного психического манипулирования, сходные с теми методами, которые применяются в открыто террористических организациях».

20 апреля 2017 года Верховный суд иск удовлетворил. Гигантская, насчитывавшая более 170 тысяч последователей по всей стране, организация была одним росчерком пера поставлена вне закона. Ее имущество — сотни Залов Царства, построенных на пожертвования верующих, — было конфисковано в пользу государства.

Началась вакханалия. По всей стране покатила волна арестов. Людей хватали за то, что они собирались вместе, читали Библию и пели песни. Участие в молитвенном собрании теперь квалифицировалось как «организация деятельности экстремистской организации» (статья 282.2 УК РФ). В дома врываются бойцы ОМОНа в масках, пожилых людей бросали на пол, в их личных вещах рылись в поисках «экстремистской литературы». Сотни людей оказались за решеткой. Сроки были реальными, суровыми — шесть, семь, восемь лет колонии.

Одной из первых жертв, получивших реальный срок, стал датчанин Деннис Кристенсен. Его арестовали в Орле в мае 2017 года прямо во время богослужения. В феврале 2019-го суд приговорил его к шести годам колонии. Мировая общественность была в шоке. Но Дворкин и тут нашел способ извратить реальность. Он не радовался, нет. Он сокрушался.

«По-человечески его (Кристенсена) очень жаль. Он — еще одна жертва бессердечной тоталитарной секты, вполне расчетливо и цинично подставившей его под удар в надежде, что он получит тюремный срок. Теперь они будут использовать этот случай для своей пропаганды и, конечно, как повод для увеличенного давления на рядовых членов секты... Разумеется, используют они заключение датчанина и для интенсификации кампании по шельмованию нашей страны».

В этом пассаже был весь Дворкин. Мастер переключивания ответственности, виртуоз двойных стандартов. Он сам годами создавал машину

для репрессий, а когда она начала перемалывать живых людей, обвинил в этом самих жертв и их «бессердечное руководство».

Позже, когда аресты стали массовыми и вызвали волну критики даже внутри страны, он сделал еще один финт. «Аресты "Свидетелей Иеговы" — это страшная ошибка», — заявил он в одном из интервью, пояснив, что это создает им ореол мучеников. Архитектор гильотины сетовал на то, что она слишком громко работает.

Даже когда президент Путин на заседании Совета по правам человека в 2018 году назвал преследование «Свидетелей» «полной чушью», добавив, что «они тоже христиане, и преследовать их не за что», — это ничего не изменило. Машина, созданная Дворкиным и его покровителями, уже жила своей жизнью, и даже слова первого лица государства не могли ее остановить. Она требовала новых жертв. И она их получала.

Параллельно с уничтожением «Свидетелей Иеговы» каток репрессий прошелся по другой крупной мишени — пятидесятникам, или, как их презрительно называл Дворкин, «неопятидесятникам». Для них у него был припасен особый набор страшилок.

«Самые активные и распространенные в масштабах нашей страны — это неопятидесятническое движение, количество его адептов в России превысило 300 тысяч человек, — заявлял он. — Замечу, что неопятидесятники особенно опасны своей политической активностью...»

Он пугал публику рассказами о том, что именно неопятидесятники организовали «оранжевый Майдан» в Украине, и готовил почву для их признания политически неблагонадежными. Но главный удар наносился по психике. Дворкин с упоением цитировал некое «исследование шведских психиатров», которое якобы доказало катастрофический вред пятидесятничества.

«У 93% членов одной из неопятидесятнических организаций наблюдается резкое ухудшение психического состояния, 63% имеют навязчивые мысли о суициде, а 25% совершали попытки самоубийства», — эти цифры, которые никто никогда не проверял, стали его любимым аргументом.

Он живописал их собрания как припадки массового безумия:

«Достаточно взглянуть на то, что творится в ходе любого неопятидесятнического собрания, как эти люди бьются в конвульсиях, падая на пол и утрачивая членораздельную речь, как они часами хохочут или вообще впадают в каталептический транс, чтобы понять, насколько пребывание в этой секте опасно для человеческой психики».

Образ был создан: безумные, политически опасные, склонные к суициду фанатики. Оставалось только применить юридические инструменты. И они не заставили себя ждать.

В 2014 году Верховный суд подтвердил ликвидацию петербургской церкви «Жатва». Повод был формальным и смехотворным: ведение образовательной деятельности без лицензии. Прокуратура нашла в арендованных помещениях парты, доску и учебники. Этого оказалось достаточно, чтобы закрыть целую общину.

Но настоящий удар был нанесен позже. В 2021 году Генпрокуратура признала «нежелательными» несколько религиозных организаций, связанных с украинской и латвийской церквями «Новое поколение». Это был новый, еще более грозный инструмент. Статус «нежелательной» организации фактически ставил вне закона любое сотрудничество с ней, грозя уголовным преследованием.

И оно последовало. В декабре 2021 года в подмосковном Раменском силовики сорвали конференцию «Нового поколения». Десятки участников были задержаны. А в июле 2023 года Раменский суд вынес приговор двум пасторам — Николаю Улитину и Святославу Югову. Три с половиной года колонии общего режима. За что? За организацию деятельности «нежелательной организации». Их вина, по сути, заключалась в общении с украинским пастором. В условиях начавшейся войны это было равносильно приговору.

Сеть, заброшенная Дворкиным, была широка. В нее попадали все, кто не вписывался в прокрустово ложе «традиционных ценностей».

Кришнаиты. Дворкин называл их «деструктивным культом», а самого Кришну, с точки зрения православия, — «одним из демонов». Кульминацией борьбы стал громкий процесс 2011–2012 годов в Томске, где прокуратура, вдохновленная «экспертизами» антикультистов, потребовала признать

экстремистской священную книгу индуизма — «Бхагавад-гиту как она есть». Дело вызвало дипломатический скандал с Индией, и под давлением международного резонанса суд в иске отказал. Но попытка была показательна.

Неоязычники. Их обвиняли в самом страшном — в экстремизме и насаждении ненависти к «иудео-христианам». Один из видных членов РАЦИРС, Роман Силантьев, без обиняков формулировал их идеологию так: «...суть их сводится к тому, что когда-то был Золотой век... а потом пришли "проклятые иудео-христиане" и все испортили. Поэтому очевидный вывод: надо всех "иудео-христиан" вырезать и вернуть Золотой век». Под таким соусом любую группу родноверов можно было записать в террористы.

Мормоны. Их Дворкин заклеил как «огромную международную бизнес-корпорацию, действующую под видом религиозной организации» и, конечно, связанную с ЦРУ.

В этот список попадали последователи Порфирия Иванова и Виссариона, муниты, «анастасиевцы» — последователи учения из книг Владимира Мегре. Машина работала без разбора, перемалывая всех, кто осмелился искать Бога или истину за пределами разрешенных заборов.

К середине 2010-х годов механизм был отлажен до совершенства. Законы были приняты. Судебная практика — создана. Общественное мнение — сформировано. Силовые структуры — проинструктированы. Все было готово для атаки на новую, куда более сложную и опасную мишень. Мишень, которая, в отличие от мирных «Свидетелей» или разрозненных пятидесятников, обладала огромными финансовыми ресурсами, мощной международной поддержкой и славилась своей продуманной юридической тактикой. Эта мишень исповедовала завет своего основателя: «Единственный способ защиты — это нападение».

Эта мишенью была Церковь Саентологии.

Все инструменты, заточенные на предыдущих жертвах, — обвинения в экстремизме, в незаконной предпринимательской деятельности, в психологическом насилии, в шпионаже — теперь были направлены на них. Система готовилась к решающей битве. И для этой битвы ей нужен был свой судья. Человек, который не задает лишних вопросов. Человек, чья собственная

совесть была достаточно гибкой, чтобы не сломаться под тяжестью предрешенного приговора. Человек, у которого были свои скелеты в шкафу.

Именно это дело, «Дело о Погасшей Совести», должно было лечь на стол судьи, чья личная история была не менее мрачной и запутанной, чем тени, сгустившиеся над российской Фемидой.

Воздух в Москве в те годы был тяжелым и вязким, как непролитая кровь. Он пах большими деньгами, дешевым предательством и всепроникающим страхом. В высоких кабинетах на Лубянке и в тихих монастырских кельях, в редакциях газет и в залах судебных заседаний ковалась новая реальность, где правда стала разменной монетой, а свобода — опасной ересью. Антикультовая инквизиция XXI века примеряла судейские мантии и готовилась вершить свое «правосудие». Город ждал, затаив дыхание. И судья, еще не зная об этом, тоже ждал своего часа. Часа, когда ему придется выбирать между карьерой и честью, между страхом и справедливостью, между собственной жизнью и чужими судьбами. И этот выбор уже был сделан за него.

Глава 1. ТЕНЬ В МАНТИИ

Лето 2015-го выдалось в Москве душным и липким, как показания рецидивиста. Воздух, густой от выхлопных газов и безнадёги, плавился над раскаленным асфальтом, просачивался сквозь щели в окнах зала заседаний и ложился на плечи тяжестью еще одного бесполезного дня. Я сидел в своем высоком кресле, которое скрипело, как совесть старого прокурора, и смотрел на человека за трибуной. Он говорил что-то о защите государственных интересов. Голос у него был ровный, хорошо поставленный, без единой фальшивой ноты. Такие голоса отлично подходят для того, чтобы зачитывать приговоры или продавать подержанные автомобили.

Дело было рутинным до оскотины. Иск Министерства юстиции о ликвидации некой «Саентологической церкви Москвы». Бумаги, пухлые от казенных формулировок, лежали передо мной. Нарушение устава, несоответствие федеральному закону, жалобы бдительных граждан. Стандартный набор для показательной порки. Одни просили закрыть, другие — не закрывать. А в итоге решали не здесь. Мы все — актеры в плохо поставленном спектакле, и гонорар у всех разный. Мой был в том, чтобы досидеть до пенсии, не наделав глупостей.

Представитель Минюста, молодой карьерист с безупречным пробором и голодными глазами, сыпал статьями и параграфами. Я слушал его вполуха, разглядывая трещину на потолке. Она походила на карту неизвестной реки, впадающей в никуда. Мое внимание цеплялось за мелочи: за то, как нервно постукивал ручкой по столу адвокат ответчиков, за запах дешевого кофе из коридора, за муху, бившуюся о стекло с упорством обреченной. Она хотела на волю, в этот плавающий город, не понимая, что там та же клетка, только размером побольше.

Я перевел взгляд на адвоката саентологов. Молодой, горящий праведным гневом идеалист. Такие либо быстро перегорают и уходят торговать страховками, либо цинично обрастают связями и начинают играть по общим правилам. Он говорил о свободе совести, о Конституции, о решениях Европейского суда. Правильные слова. Красивые. Но в этом здании красота

давно уступила место целесообразности. Его слова были похожи на бумажные самолетики, запущенные против урагана.

Предварительное слушание — ритуальный танец. Все знают свои па, все произносят заученные реплики. Обменялись ходатайствами, наметили даты. Я механически отстукивал молотком, объявляя перерыв, и чувствовал, как усталость, мой вечный спутник, впивается когтями в затылок.

Вечером мой кабинет казался единственным убежищем. Тяжелые шторы отгораживали меня от города, который никогда не спал, а лишь впадал в беспокойную дрему. На столе громоздились тома дел. Судьбы, перемолотые в юридическую пыль. Я налил себе виски. Лед лениво стукнулся о стенку стакана. Первый глоток обжег горло, но не принес тепла. В последнее время ничего не приносило тепла.

Я открыл папку с делом саентологов. Предупреждения от Минюста за 2012 и 2013 годы. Экспертные заключения, написанные так, будто их автор заранее знал, какой вывод от него требуется. Все было гладко, причесано, подогнано под нужный результат. Слишком гладко. Система не любит шероховатостей. Она их сошлифовывает вместе с людьми.

Зазвонил телефон. На экране высветилось «Лена». Бывшая жена. Я вздохнул и нажал на зеленую кнопку. Каждый ее звонок был похож на счет от судебного пристава.

— Леша? — ее голос был напряженным, как струна.

— Я, — ответил я, делая еще один глоток. — Что-то с Катей?

— С Катей все по-прежнему. То есть, не лучше. Я говорила с профессором. Он считает, что нужно попробовать экспериментальную терапию в Швейцарии. Есть клиника, они дают шанс.

Слово «шанс» прозвучало как выстрел. За ним последовало молчание, в котором отчетливо слышался шелест купюр. Очень многих купюр.

— Лена, мы это уже обсуждали. У меня нет таких денег.

— А у меня есть? — в ее голосе зазвенел металл. — Я продала мамину дачу. Продала машину. Что еще я должна продать, Леша? Почку? Ты ее отец. Ты судья, у тебя же должны быть... возможности.

«Возможности». Она произнесла это слово с наивной верой человека, который смотрит телевизор и думает, что все судьи живут во дворцах и ездят на «бентли». Мои «возможности» ограничивались ипотекой и кредитом на старенький «форд».

— Я что-нибудь придумаю, — сказал я, хотя сам не верил в это. Слова были пустыми, как глазницы черепа.

— Ты всегда так говоришь. А время уходит. Каждый день. Ей больно, Леша. Ты понимаешь? Ей просто больно.

Она повесила трубку. Я остался один на один с тишиной, стаканом виски и фотографией на столе. Катя. Десять лет. Огромные серые глаза, в которых раньше плескалось солнце, а теперь застыла тень. Она улыбалась с фотографии, щербатой улыбкой первоклашки. Эта улыбка была единственным настоящим, что осталось в моей жизни. И она стояла дороже, чем все деньги мира. Дороже, чем моя карьера. Дороже, чем душа.

Я допил виски и посмотрел на папку с делом. «Саентологическая церковь Москвы». Просто очередная галочка в отчете. Просто еще один шаг по карьерной лестнице, ведущей в ту же серую пустоту. Но сейчас, после звонка Лены, эта папка на столе казалась тяжелее. Она пахла не только пылью и типографской краской. Она пахла возможностью. Опасной, грязной, но возможностью.

Я закрыл глаза. Боль моей дочери была физической, осязаемой. Она жила во мне, как паразит, высасывая остатки сил и воли. Ради того, чтобы прекратить эту боль, я был готов на многое. Система, которой я служил, научила меня одному: у всего есть цена. У справедливости, у закона, у человеческой жизни. Нужно было только найти покупателя. И я нутром чуял, что в этом скучном, на первый взгляд, деле покупатель скоро объявится. Я еще не знал его имени, но уже чувствовал его холодное дыхание на своем затылке. Город за окном гудел, равнодушный к маленьким человеческим трагедиям. Он был похож на огромное казино, где ставки всегда были слишком высоки, а выигрывал только тот, кто владел игорным домом. И я сидел за столом с плохими картами, понимая, что следующая раздача может стать для меня последней.

Глава 2. ВИЗИТ

На следующий день жара спала, уступив место серой мороси, которая делала Москву похожей на старую, выцветшую фотографию. Дождь барабанил по карнизу моего кабинета, отбивая унылый ритм. Я пытался сосредоточиться на очередном хозяйственном споре двух фирм-однодневок, но мысли возвращались к вчерашнему разговору с Леной и к сумме с шестью нулями, которая маячила на горизонте, как эшафот.

Секретарша позвонила по внутреннему телефону. Голос у нее был взволнованный.

— Алексей Петрович, к вам тут... профессор Александр Дворкин. Говорит, по очень важному делу. У него не назначено.

Я нахмурился. Фамилия была смутно знакома. Где-то в экспертных заключениях по делу саентологов. Эксперт со стороны обвинения. Визиты экспертов в кабинет судьи до начала рассмотрения дела по существу — вещь не просто неправильная. От нее за версту несло статьей о воспрепятствовании правосудию.

— Скажите профессору, что я занят. Пусть записывается на прием в установленном порядке.

— Я говорила, Алексей Петрович. Он сказал, что порядок установлен не для таких случаев.

В его наглости было что-то интригующее. Или он был сумасшедшим, или за ним стоял кто-то, кто считал правила хорошего тона досадным недоразумением.

— Ладно, пусть войдет, — сказал я, чувствуя смутное беспокойство.

Дверь открылась, и в кабинет вошел человек, который совершенно не вписывался в унылый интерьер госучреждения. Ему было около шестидесяти, но держался он прямо, с энергией сорокалетнего. Дорогой костюм сидел как влитой. Седая борода, чуть насмешливые глаза за стеклами очков в тонкой оправе. Он двигался с уверенностью человека, привыкшего, что перед ним открываются все двери. От него пахло одеколоном и властью.

— Судья Макаров? «Профессор Дворкин», — он протянул руку. Рукопожатие было крепким и коротким. — Прошу прощения за вторжение. Но дело, как вам сказала ваша очаровательная помощница, не терпит отлагательств.

Он сел в кресло для посетителей, не дожидаясь приглашения, и положил на колени изящный кожаный портфель.

— Я слушаю, профессор. И надеюсь, у вас есть веские причины нарушать процессуальный кодекс.

Он улыбнулся. Улыбка у него была безупречной. Как у дантиста перед тем, как включить бормашину.

— Кодекс, ваша честь, прекрасная вещь для регулирования споров о разделе имущества. Но мы с вами имеем дело не с имуществом. Мы имеем дело с духовной безопасностью страны.

Он говорил с легким, едва заметным акцентом, который выдавал годы, проведенные за границей. Манера речи — смесь академической лекции и проповеди.

— Я здесь по поводу дела «Саентологической церкви Москвы», — продолжил он, видя мой молчаливый вопрос. — Я возглавляю Экспертный совет при Минюсте, и это дело — во многом моя инициатива. Понимаете, Алексей Петрович, вы столкнулись не просто с группой чудаков, которые верят в инопланетян. Это куда серьезнее.

Он открыл портфель и извлек оттуда несколько брошюр.

— Я провел много лет в Штатах. Получил там докторскую степень в Фордхэме. Я знаю этого зверя изнутри. Саентология — это не религия. Это жестко структурированная, коммерческая, разведывательная организация, которая маскируется под церковь. Ее цель — деньги и власть. Абсолютная власть над своими адептами и максимальное влияние на общество.

Его слова завораживали. Он не давил, он убеждал. Каждое слово было на своем месте, каждая интонация выверена. Он говорил о законе так, словно это был досадный барьер, который нужно элегантно перешагнуть, а не фундамент, на котором все держится.

— Вы ведь читали материалы дела, — он смотрел мне прямо в глаза. — Все эти ссылки на свободу совести, на практику ЕСПЧ... Это дымовая завеса. Юридический камуфляж. Они используют наши же законы, нашу демократическую риторику, чтобы уничтожить нас изнутри.

Я молчал, давая ему выговориться. В его словах была своя, извращенная логика. Логика человека, который делит мир на черное и белое, на своих и врагов. Врагов нужно уничтожать. Любыми средствами.

— Алексей Петрович, поймите, — он слегка наклонился вперед, понизив голос до заговорщицкого шепота, — это не просто юридические лица. Это политическая организация фашистского типа с коммерческим уклоном. Мы имеем дело с врагом, который использует наши же законы против нас. Это архетипичная тоталитарная секта, самая опасная из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. А я, уж поверьте, видел многое. Я вице-президент FECRIS, это общеевропейская федерация по борьбе с культами. Мои коллеги в Германии, во Франции — все они бьют тревогу. И только у нас, в России, им до сих пор удавалось выигрывать суды.

Он сделал паузу, давая мне переварить информацию. Он не просто эксперт. Он — игрок международного уровня. Крестоносец новой эпохи, воюющий с ересью. Только вместо меча у него были связи, а вместо святой воды — административный ресурс.

— Так чего вы от меня хотите, профессор? — спросил я прямо. — Чтобы я вынес решение, не изучив материалы? Основываясь на вашей пламенной речи?

Он снова улыбнулся, на этот раз снисходительно.

— Конечно нет, ваша честь. Я верю в ваш профессионализм. Я просто хотел предоставить вам... контекст. Чтобы за сухими строчками искового заявления вы увидели реальную угрозу. Угрозу нашим детям, нашим семьям, нашему будущему. Я хотел посмотреть в глаза человеку, от которого зависит очень многое. И я вижу перед собой умного и ответственного человека. Патриота.

Последнее слово он произнес с особым нажимом. Оно прозвучало фальшиво, как орден, купленный в подземном переходе. Я ощутил, что этот человек не просто пытается повлиять на меня. Он меня изучает. Прощупывает. Ищет слабые места.

— Спасибо за визит, профессор. Контекст ясен. Дальше я буду работать с документами, как и положено судье.

Я встал, давая понять, что аудиенция окончена. Он тоже поднялся, ничуть не смутившись.

— Разумеется, Алексей Петрович. Был рад знакомству. Уверен, мы найдем общий язык. На карту поставлено слишком многое.

Он в последний раз окинул кабинет цепким взглядом, задержавшись на фотографии Кати, и вышел. Дверь за ним закрылась, но ощущение его присутствия осталось. В воздухе все еще витал запах его парфюма и ледяной уверенности в собственной правоте.

Я сел в кресло и посмотрел в окно. Дождь все шел. Этот визит выбил меня из колеи. Дело перестало быть рутинным. Оно обрело лицо. Лицо профессора Дворкина — умное, харизматичное и безжалостное. Я почувствовал, как невидимые нити начинают стягиваться вокруг меня. Игра началась, и правила в ней устанавливал не я. Я был всего лишь фигурой на доске. И кто-то только что сделал свой первый ход.

Глава 3. ПАПКА С ПРОШЛЫМ

Дни потекли, как мутная вода в московской канализации. Я копался в деле саентологов, пытаюсь найти в этой куче бумаг хоть что-то, за что можно было бы уцепиться, как утопающий за корягу. Но чем глубже я погружался, тем яснее понимал, что Дворкин был прав в одном: юридическая сторона была лишь фасадом. За ним шла настоящая война, и поле боя было усеяно ложью, подтасовками и полуправдой с обеих сторон.

Звонки от Лены стали ежедневным ритуалом пытки. Она нашла сайт швейцарской клиники. Рассказывала мне про методики, про докторов с труднопроизносимыми фамилиями, про палаты с видом на Альпы. Каждый ее рассказ заканчивался одним и тем же немым вопросом, который бил наотмашь: где взять деньги? Я врал, что ищу варианты, что говорю с людьми, что вот-вот что-то решится. Ложь была горькой, как дешевое лекарство, но она давала ей надежду, а мне — отсрочку.

Однажды вечером я задержался в суде допоздна. Нужно было закончить решение по какому-то занудному арбитражу. Здание опустело. Тишина давила на уши. Только мерный гул компьютеров да редкие шаги охранника в коридоре нарушали ее. Около десяти я собрал портфель и спустился на парковку.

Подземный гараж суда — место, где можно снимать фильмы про мафию. Тусклые лампы, гулкое эхо, бетонные колонны, похожие на надгробия. Мой старенький «форд» сиротливо жался в углу. Когда я уже подходил к машине, из тени выступила фигура. Я напрягся. Но это был всего лишь клерк из канцелярии, парень лет двадцати пяти, которого я с трудом помнил в лицо. Глаза у него бегали, руки подрагивали.

— Алексей Петрович, — пролепетал он. — Простите, что беспокою. Тут для вас... просили передать. Сказали, очень важно.

Он протянул мне толстую картонную папку без каких-либо надписей.

— Кто просил? — спросил я, забирая папку. Она была тяжелой.

— Не знаю. Человек в холле ждал. Сказал, что вы забыли в кабинете. Попросил догнать и отдать.

Он явно врал. И боялся.

— Понятно. Спасибо, — я сунул папку под мышку. — Можешь идти.

Он кивнул и почти бегом скрылся в переходе, ведущем к лифтам. Я постоял минуту, глядя ему вслед. Вся эта сцена была плохой постановкой. Неуклюжей и очевидной. Послание было ясным: мы знаем, где ты работаешь. Мы можем подойти к тебе в любой момент.

Дома я налил себе двойной виски и сел в кресло. Папка лежала на кофейном столике, похожая на спящего хищника. Я знал, что внутри нет ничего хорошего. Такие посланки не приносят по ночам с добрыми вестями. Наконец, я развязал тесемки.

Внутри были ксерокопии. Много ксерокопий. И газетные вырезки. Сердце ухнуло вниз, в холодную, липкую пустоту. Я узнал это дело. Дело десятилетней давности. Мое первое большое дело в качестве судьи. Дело о мошенничестве в особо крупном размере.

Я был тогда молод, амбициозен и хотел доказать всем, а главное — себе, что не зря ношу мантию. Обвиняемый — некий Александр Павлов, директор небольшой строительной фирмы. Его обвиняли в создании финансовой пирамиды. Доказательства были косвенными, шаткими. Все держалось на показаниях одного свидетеля, который потом внезапно исчез. Адвокат Павлова был опытным и разносил позицию обвинения в пух и прах.

Я сомневался. Но на меня давили. Председатель суда деликатно намекал, что дело «резонансное» и оправдательный приговор «будет воспринят неоднозначно». Прокурор, с которым мы иногда играли в бильярд, по-дружески советовал «не усложнять». И я сломался. Я убедил себя, что дыма без огня не бывает. Что система не может ошибаться так глобально. Я написал обвинительный приговор. Десять лет строгого режима.

Я перебирал бумаги в папке. Вот протокол допроса того самого свидетеля. Вот мои запросы, которые я отклонил. Вот заключительная речь прокурора. А вот пожелтевшая вырезка из местной газеты. Заголовок кричал: «Строитель пирамид получил по заслугам». И под ним фотография. Я, молодой, в только что отглаженной мантии, пожимаю руку прокурору после оглашения приговора. На моем лице — самодовольная улыбка победителя.

На самом дне папки лежал еще один лист. Это была свежая распечатка с какого-то юридического сайта. Краткая справка. Павлов Александр Николаевич. Освободился два года назад по УДО. Инвалид второй группы, туберкулез, полученный в колонии. Не работает. Место жительства — комната в коммуналке на окраине города.

Я откинулся на спинку кресла. Воздуха не хватало. Прошное не умирает. Оно даже не становится прошлым. Оно просто ждет своего часа, чтобы вернуться и потребовать долг с процентами. Я сломал этому человеку жизнь. Сломал из-за трусости, из-за карьеризма, из-за желания быть своим в системе. И все эти годы я гнал эту мысль от себя, прятал ее в самый темный угол сознания. Заваливал новыми делами, новыми приговорами. Я думал, что похоронил ее. Но кто-то пришел и раскопал эту могилу.

Сомнений не было. Нить вела к Дворкину. Это был его стиль. Элегантный, тихий и смертельно опасный. Сначала — идеологическая обработка. Затем — кнут. Папка на столе была этим кнутом. Мне не угрожали. Мне просто напомнили. Напомнили, что у каждого судьи в шкафу есть свой скелет. И мой только что вытащили на свет.

Я допил виски. Он больше не обжигал. Я чувствовал только холод. Я был уязвим. Они знали о моей дочери, о деньгах. Теперь они знали и о моем прошлом. Они зажали меня в угол, как крысу. И я понимал, что скоро мне сделают предложение. Предложение, от которого я уже не смогу отказаться.

Ночь сочилась в мой кабинет, как чернила на промокашку. За окном Москва тяжело дышала после дневной лихорадки, но облегчения это не приносило. Дождь, начавшийся вечером, лишь размазывал неоновый свет вывесок по мокрому асфальту, превращая город в картину безумного импрессиониста. Я сидел в своем кресле, и тишина в кабинете была плотнее тюремной стены. Единственным звуком был тихий стук льда о стенки стакана с виски.

На столе, словно неразорвавшаяся бомба, лежала та самая папка. Папка с прошлым. С моим прошлым. Десять лет я строил вокруг этого дела стену забвения, закладывая ее кирпичами новых приговоров, замазывая раствором

рутины и цинизма. И вот кто-то пришел и одним точным ударом разнес эту стену в пыль.

Я снова и снова перебирал ксерокопии, как игрок перетасовывает крапленую колоду. Дело Павлова. Мелкий строительный подрядчик, которого система решила назначить на роль финансового махинатора. Я помнил его глаза. Усталые, честные, не понимающие, почему мир вдруг ополчился на него. Я помнил, как его адвокат, старый и опытный лис, методично, пункт за пунктом, рвал на части доводы обвинения. Дело трещало по швам. Оно должно было развалиться.

Но тогда ко мне в кабинет вошел председатель суда. Он не говорил прямо. Они никогда не говорят прямо. Он говорил о «резонансе», о «сложной политической обстановке», о том, что «общество ждет справедливого возмездия». Он положил свою тяжелую, властную руку мне на плечо, и в этом жесте было все: и обещание карьерного роста, и угроза забвения. Я был молод. Я хотел вверх. И я вынес обвинительный приговор. Десять лет. За них Павлов получил туберкулез и сломанную жизнь. А я — должность в Мосгорсуде. Сделка состоялась.

Теперь эта сделка вернулась, чтобы потребовать свой процент. Дворкин не угрожал. Он просто показал мне мое собственное отражение в кривом зеркале, и отражение это мне не понравилось. Он действовал как опытный хирург: точно, холодно и без лишних эмоций. Сначала — идеологическая артподготовка в моем кабинете. А теперь — контрольный выстрел: папка с моим грехом. Он не оставил мне выбора. Он превратил мою жизнь в коридор, в конце которого была только одна дверь. И ключ от нее был у него.

Я допил виски и поднялся. Бессмысленно сидеть здесь и тонуть в жалости к себе. Если уж мне суждено стать палачом в этой истории, я должен был хотя бы взглянуть в лицо тем, кого мне предстояло казнить. Не из сочувствия. Из профессионального любопытства. Я должен был понять, с кем имею дело. Не с теми карикатурными «сектантами» из телепередач и не с теми «фашистами» из лекций Дворкина, а с реальными людьми.

На следующий день, под предлогом необходимости изучить «общественный фон вокруг дела», я заставил помощника раздобыть мне их

литературу. Не те брошюры, что были признаны экстремистскими и подшиты к делу, а основные, базовые тексты. Вечером мой стол был завален книгами с яркими, кричащими обложками. «Дианетика: современная наука душевного здоровья». «Что такое саентология?».

Я начал читать с привычным цинизмом, ожидая встретить бред сумасшедшего. И поначалу так оно и было. Инопланетный диктатор Ксену, взорванные вулканы, тэтаны, прилипшие к человеческим телам... Научная фантастика, не самая лучшая. Книги Л. Рон Хаббарда, был похожи на обычную художественную литературу. Но, продираясь сквозь эту мифологию, я начал наткаться на нечто иное.

В основе всего лежала простая, как удар молотка, идея: человек по своей природе хорош, но его жизнь отравлена болью, страхами, прошлыми травмами — тем, что они называли «инграммами». И от этого ментального груза можно избавиться. Очистить свой разум, стать «клиром» — чистым. Достичь состояния, когда прошлое больше не властно над тобой. Ирония была настолько злой, что я усмехнулся. Мне, погребенному под обломками своего прошлого, предлагали технологию освобождения.

Я наткнулся на цитату, подчеркнутую кем-то из предыдущих читателей. Она была на английском, и от этого казалась еще более отстраненной и весомой:

"Survival is the basic, sole thrust of life. The lowest denominator of all existence is to survive."

«Выживание — это основной, единственный импульс жизни. Наименьший общий знаменатель всего сущего — это выжить».

Выжить. Как просто. Павлов в своей колонии пытался выжить. Катя в своей больничной палате пыталась выжить. Я в своем судейском кресле пытался выжить. И эти люди, саентологи, тоже пытались. Просто они придумали для этого свою систему с космическими операми и электропсихометрами.

Чтения было недостаточно. Бумага лжет не хуже человека. Мне нужно было увидеть их.

Через пару дней я нашел адрес одного из их центров. Не главного, на Таганке, который наверняка был под колпаком у всех спецслужб, а небольшого,

в тихом переулке недалеко от «Проспекта Мира». Я приехал туда ближе к вечеру, в самом обычном пиджаке, оставив в машине свой статус и мантию.

Внутри не было ничего зловещего. Никаких пентаграмм на полу и людей в черных балахонах. Обычный офис. Светлый, чистый, с запахом свежесваренного кофе и офисной бумаги. На стенах висели плакаты со схемами и графиками, напоминавшими бизнес-тренинги. «Мост к полной свободе». «Треугольник АРО: Аффинити, Реальность, Общение». Молодая девушка на ресепшене улыбнулась мне дежурной, но не отталкивающей улыбкой. Я соврал, что жду приятеля, и сел на диванчик в холле.

Отсюда был виден просторный зал, где за столиками сидели люди. Они не проводили тайных ритуалов. Они пили кофе, разговаривали, смеялись. Я прислушался к разговору за соседним столом. Женщина лет сорока, с усталым, но одухотворенным лицом, что-то горячо объясняла молодому парню, который выглядел растерянным.

— ...понимаешь, Павел, я когда пришла сюда пять лет назад, у меня все рушилось, — говорила женщина. Звали ее, кажется, Ольга. — Бизнес развалился, муж ушел. Я была на грани. Думала, все, конец. А потом я прошла «Очищение». Это было тяжело. Я рыдала несколько дней, вспоминая все, что пыталась забыть. Но потом... будто камень с души сняли. Я впервые за много лет вздохнула свободно.

— И что, правда помогает? — с сомнением спросил парень. — А то я уже столько всего перепробовал. Психологи, тренинги... Все говорят красивые слова, а толку ноль. Начальник на работе — самодур, жена пилит. Я домой идти не хочу.

— Помогает, — твердо сказала Ольга. — Технология работает. Это как математика. Ты просто следуешь шагам, и получаешь результат. Ты учишься общаться с людьми. Не кричать, не обижаться, а понимать. Я восстановила отношения с сыном. Представляешь, мы три года не разговаривали! А теперь он сам мне звонит. И я снова открыла свое дело. Маленькое, кондитерскую. Но я счастлива. А еще мы с ребятами из центра по выходным в детских домах помогаем. Программа «Нарконон» скольких парней с иглы сняла... Это не просто сидеть и говорить о высоком. Это реальные дела. Ты учишься выживать и помогать выживать другим. По всем восьми динамикам.

Павел слушал, и в его глазах вместо отчаяния появлялся интерес. Он не был похож на зомби. Он был похож на утопающего, которому только что бросили спасательный круг.

Я сидел на своем диване и чувствовал себя неудобно. Эти люди не вписывались в образ врагов государства. Они были обычными людьми со своими обычными проблемами. Они искали точку опоры в мире, который летел в тартарары. Их «технология» самосовершенствования, их «мост к свободе» — может, это и был самообман, дорогая иллюзия. Но если эта иллюзия помогала им становиться лучше, перестать пить, наладить отношения с близкими, кому от этого было плохо?

Я вспомнил историю их появления в России. Конец 80-х, начало 90-х. Рухнул Союз, и в образовавшуюся пустоту хлынуло все — от проповедников до финансовых пирамид. Книгу Хаббарда тогда издали огромным тиражом. Ее презентовали в Кремлевском дворце. Такие люди, как Руцкой и Степашин, поначалу отзывались о «Дианетике» с интересом. Они получили официальную регистрацию в 1994-м. Двадцать лет они работали, строили свои центры, переводили книги, обучали «одиторов». А потом что-то изменилось. Маятник качнулся в другую сторону. И те, кто вчера казался безобидными чудаками, сегодня стали врагами.

Вернувшись в свой пустой кабинет, я снова открыл дело. Теперь за сухими юридическими формулировками я видел живых людей. Ольгу, которая пекла свои торты и радовалась звонкам сына. Павла, который хотел перестать ссориться с женой.

«...слово «саентология» зарегистрировано как товарный знак, что противоречит требованиям законодательства, так как религию не может распространять коммерческое партнерство...» — гласил иск Минюста.

Бумажные солдаты, выстроенные в ряд для атаки. Постановление Мосгорсуда от 23 ноября 2015 года, подписанное судьей Казаковым. Ликвидировать. Признание Верховным судом этого решения законным 29 июня 2016 года. Все. Конец.

Я смотрел на эти бумаги, и меня пробирал холод. Это была идеально отлаженная машина. Машина, которая не делала различий между настоящими

преступниками и людьми, которые просто хотели стать счастливее, пусть и таким странным способом. Машина, которой управляли такие, как Дворкин. А приводили в исполнение — такие, как я.

Я налил себе еще виски. В голове была звенящая пустота. Раньше все было просто. Были преступники, и был закон. Теперь все смешалось. Я видел людей, которые не были похожи на преступников, но которых система назначила таковыми. И я видел «борца за правду», который использовал шантаж и подкуп, чтобы добиться своих целей.

Моя совесть, которую я считал давно погасшей, вдруг подала признаки жизни. Она заворочалась где-то в глубине души, вызывая тупую, ноющую боль. И я понял, что Дворкин ошибся. Он думал, что загнал меня в угол. Но он сделал нечто худшее. Он заставил меня сомневаться. А для судьбы сомнение — это начало конца. Или начало чего-то совсем другого.

Глава 4. ЦЕНА ПРАВОСУДИЯ

Неделю я жил как во сне. Или, точнее, как в кошмаре, из которого не получалось проснуться. Папка с делом Павлова, извлеченная из пыльного забвения, лежала в сейфе моего кабинета, но я чувствовал ее ледяное прикосновение даже сквозь стальную дверцу и три стены. Она была как радиоактивный изотоп, медленно отравляющий все вокруг. Мои мысли, мой сон, воздух в моей квартире.

Дворкин молчал. Это молчание было хуже любых угроз, хуже ночного звонка с шипящим шепотом в трубке. Оно было рассчитанным, выверенным, как ход гроссмейстера. Он дал мне время, чтобы страх сделал свою работу. Чтобы я сам, в тишине собственного черепа, прокрутил все пленки с возможными последствиями: служебная проверка, вежливые люди в штатском из Следственного комитета, скандал в прессе, лишение статуса. Конец карьеры. Позор. А главное — конец надежды для Кати. Каждый день ее улыбка становилась все более хрупкой, как осенний лист, и я понимал, что время утекает не песком, а кровью.

Я пытался работать. Сидел в кресле, листал тома дел, слушал лепет адвокатов и казенный бубнеж прокуроров. Но буквы расплывались, а голоса сливались в один монотонный гул. В каждом подсудимом мне мерещился Павлов. В каждом защитнике — я сам, молодой и еще не сломленный, верящий в то, что закон — это гранит, а не воск, из которого каждый лепит то, что ему заказали.

А потом он позвонил. Не на рабочий, не через секретаря. На мой личный мобильный, номер которого я давал только жене и паре старых друзей. Номер был незнакомый, как лицо наемного убийцы.

— Алексей Петрович, добрый день. Александр Леонидович Дворкин. Надеюсь, не отвлекаю?

Его голос был таким же спокойным и уверенным, как и при нашей встрече в его логове. Голос профессора, объясняющего студенту очевидную истину. Голос хирурга, сообщающего, что ампутация неизбежна.

— Что вам нужно? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Получилось плохо.

— Я хотел бы пригласить вас на ужин. Обсудить некоторые гуманитарные вопросы. Сегодня, в восемь, ресторан «Пушкинъ». Вам удобно?

Это был не вопрос. Это было распоряжение. «Пушкинъ» — место, где ужинают люди, для которых счет в несколько моих месячных зарплат — не более чем строчка на чеке. Люди, которые решают судьбы, пережевывая фуа-гра.

— Я не...

— Пожалуйста, не отказывайтесь, — мягко перебил он. — Разговор будет полезен для нас обоих. Особенно для вас.

Он повесил трубку. Выбора у меня не было. Я был рыбой на крючке, и леска вела в его руку.

Вечером, оставив машину у суда, я взял такси. Ехать за рулем самому было бы самоубийством — руки мелко дрожали. Водитель, коренастый мужик с лицом, помятым жизнью, всю дорогу травил байки про пробки и чиновников. Я смотрел на мелькающие огни Москвы. Город жил своей жизнью, переваривал в своем огромном желудке миллионы судеб, и моя маленькая трагедия была для него лишь незаметной спазмой.

Я вошел в роскошный зал ресторана, чувствуя себя чужаком в своем единственном приличном костюме. Он казался мне мешковатым и дешевым на фоне окружавшего великолепия. Воздух был тяжелым от запаха денег, дорогих духов и чего-то еще — тонкого аромата власти. Официанты в накрахмаленных ливреях скользили между столами, как призраки. За столиками сидели люди с лицами, отполированными успехом до безразличного блеска. Они не разговаривали — они заключали сделки, плели интриги, вершили судьбы. Их женщины, похожие на дорогих кукол, скучающе ковыряли в тарелках что-то экзотическое и улыбались улыбками, которые не касались их глаз. Я чувствовал себя экспонатом из другого музея, случайно занесенным в этот вертеп.

Дворкин уже сидел за столиком в углу, в полумраке, из которого он мог видеть весь зал, оставаясь почти невидимым. Идеальная позиция для хищника. Он листал тяжелое, в кожаном переплете, меню. Он был одет в элегантный твидовый пиджак и выглядел так, будто родился в этом зале. Он поднял голову, наши взгляды встретились, и он радушно улыбнулся. Улыбка была такой же теплой, как лезвие гильотины.

— Алексей Петрович, присаживайтесь. Не опоздали ни на минуту. Пунктуальность — вежливость не только королей, но и судей. Попробуйте это сабли, превосходный винтаж.

Официант, возникший из ниоткуда, наполнил мой бокал. Вино было холодным и терпким, с запахом зеленых яблок и чужого богатства.

— Я не пью за рулем, — сказал я, повторяя заученную фразу, которая прозвучала жалко.

— Возьмете такси. Сегодня можно, — он отложил меню и посмотрел на меня с отеческой заботой. — Я уже сделал заказ. Надеюсь, вы не против рулетов по-павловски. Ирония судьбы, не правда ли?

Он подмигнул. По спине пробежал холодок. Он наслаждался этим. Каждой деталью, каждым намеком.

Разговор начался издалека. Он рассказывал о своих лекциях в Европе, о борьбе с сектами во Франции, о политической близорукости европейских чиновников, которые под вывеской толерантности позволяют «духовным супермаркетам» торговать человеческими душами. Он был блестящим рассказчиком. Умным, эрудированным, обаятельным. Если бы я не знал, кто он, я бы решил, что передо мной сидит настоящий интеллеktуал, радеющий за судьбы мира.

— Они не понимают, Алексей Петрович, — говорил он, элегантно орудуя ножом и вилок. — Они видят лишь фасад. Благотворительность, борьба с наркоманией, программы по образованию... Красивая упаковка. А внутри — яд. Медленный, разрушающий личность яд. Саентология — это не религия. Это политическая организация фашистского типа с коммерческим уклоном. Их цель, как писал старик Хаббард, — «полный контроль над планетой». И они идут к ней, используя демократические институты как таран против самой демократии.

— У Минюста в иске другие аргументы, — возразил я, стараясь вернуть разговор в правовое поле, на единственную территорию, где я еще чувствовал себя уверенно. — Регистрация товарного знака. Отсутствие признаков религиозного объединения. Все это довольно шатко. Любой студент-первокурсник юрфака разобьет эти доводы.

Дворкин усмехнулся. — Ах, закон... Алексей Петрович, вы же умный человек. Вы понимаете, что закон — это инструмент. Как скальпель. В руках хирурга он спасает жизнь. В руках маньяка — отнимает. А в борьбе с раковой опухолью, которая метастазирует, используя правовые лазейки, нужны не совсем стандартные методы. Это война. Информационная, психологическая, юридическая. А на войне, как известно...

Он не договорил, сделав глоток вина. Принесли еду. Рулеты были нежными и таяли во рту. Но я едва чувствовал вкус. Каждый кусок застревал в горле, как ложь.

— Вы называете это войной, — продолжил я, отложив вилку. — А мне кажется, это больше похоже на рейдерский захват с использованием административного ресурса. Ваша экспертиза, на которую ссылается Минюст... она ведь не проходила научного рецензирования. Она основана на ваших же книгах и статьях. Это называется тавтология. Круговая порука, а не доказательство.

Мой собственный голос удивил меня. В нем прорезался металл. Страх никуда не делся, но к нему примешалась злость. Злость загнанного в угол зверя.

Дворкин перестал улыбаться. Его взгляд стал оценивающим, холодным, как взгляд патологоанатома. — Мои книги, Алексей Петрович, написаны кровью. Кровью и слезами тех, кто попал в эти жернова. Тех, кто потерял семьи, имущество, разум. Я видел это своими глазами, когда жил в Штатах. Я видел, как эта машина ломает людей. Они называют это «одитингом», а на деле — выкачивают из человека всю подноготную, все его страхи и тайны, записывают на видео, чтобы потом держать на крючке. Они называют несогласных «подавляющими личностями» и объявляют им «честную игру» — то есть, их можно безнаказанно уничтожать. Преследовать, разорять, лгать. Это цитата из их же инструкций. Вы считаете, против таких методов можно бороться в белых перчатках, цитируя статьи Гражданского кодекса? Единственный способ защиты — это нападение. Еще одна цитата из их пророка, Хаббарда. Я просто использую их же оружие.

— Вы используете шантаж, — сказал я тихо.

— Я использую рычаги, — поправил он, не меняя тона. — Для достижения общественно полезной цели. Очищения нашего мира от заразы.

Он промокнул губы белоснежной салфеткой, оставив на ней еле заметный след от соуса. Жест был полон какой-то хищной аккуратности.

— Жизнь — несправедливая штука, вы не находите, Алексей Петрович? — вдруг сказал он. — Одним она дает все — здоровье, талант, деньги. А других обрекает на страдания. Особенно страшно, когда страдают дети. Это противоестественно.

Мои руки, лежавшие на столе, сжались в кулаки так, что побелели костяшки. Он подошел к главному.

— Я слышал о вашей дочери. Ужасная ситуация. Мне искренне жаль.

Его сочувствие было похоже на прикосновение змеи. Холодное и скользкое.

— Откуда вы знаете? — спросил я глухо, хотя вопрос был риторическим. Человек, откопавший дело десятилетней давности, мог узнать что угодно.

— В нашем мире трудно что-то скрыть, — он пожал плечами. — Информация — это новый бог. Вездесущий и всевидящий. Но знаете, у моих европейских коллег из FECRIS есть выходы на лучшие клиники. В Женеве, например. Есть один специалист, доктор Лоран. Он творит чудеса. Разработал экспериментальную методику генной терапии. Разумеется, это стоит денег. Больших денег. Но жизнь ребенка бесценна, не так ли?

Он сделал глоток вина, не сводя с меня глаз. В их глубине плясали отблески свечей, как бесовские огоньки.

— Иногда для спасения одного человека нужно принять трудное, но необходимое решение для блага многих. Решение, которое защитит тысячи других детей от ментального яда, который распространяют такие структуры, как саентологи. Это не просто ликвидация одной конторы. Это сигнал. Сигнал всем остальным, что государство проснулось. Что оно больше не потерпит паразитов на своем теле. Ваше решение, Алексей Петрович, станет прецедентом. Камертоном для всей судебной системы.

Воздух в легких закончился. Вот оно. Предложение. Завернутое в красивые слова о благе общества и спасении детей, но от этого не менее грязное.

— Вы предлагаете мне взятку? — спросил я прямо. Слова прозвучали грубо и неуместно в этой атмосфере дорогого фарфора и тихой музыки. За соседним столиком какая-то дама в бриллиантах обернулась и смерила меня презрительным взглядом.

Дворкин даже не моргнул. Он улыбнулся своей безупречной улыбкой профессора, который снисходительно прощает студенту его глупость.

— Что вы, Алексей Петрович. Какая взятка? Это вульгарное слово из лексикона бандитов и коррумпированных гаишников. Я предлагаю вам помощь. Гуманитарную помощь. От лица фонда, который обеспокоен судьбой детей, пострадавших... от разных обстоятельств. А правосудие... оно ведь слепо. Ему нужен поводирь. Ответственный и понимающий ситуацию. Человек, который видит не только букву, но и дух закона. Который понимает, что есть угрозы, перед которыми формальности отступают на второй план.

Он полез во внутренний карман пиджака. Я ожидал увидеть ручку, блокнот, что угодно. Он достал визитку. Плотный белый картон.

— Здесь номер счета в швейцарском банке. На него будет переведена сумма, достаточная для лечения вашей дочери и вашей комфортной жизни после. Первый транш, скажем, двести тысяч евро, поступит сразу после того, как вы примете обеспечительные меры по иску Минюста. Арест счетов, запрет деятельности. Чистая формальность. Остальное — после вынесения решения о ликвидации.

Я смотрел на белую картонку, лежавшую на крахмальной скатерти. На ней не было ни имени, ни телефона. Только ряд цифр. *Номер счета*. Цена моей совести. Цена жизни Кати. Это был не просто картон. Это был надгробный камень на могиле моей чести.

— А если я откажусь? — спросил я, хотя уже знал ответ.

Улыбка исчезла с его лица. Мгновенно. Словно он снял маску. Взгляд стал жестким, как сталь. — Отказываться не в ваших интересах, Алексей Петрович. Вы же не хотите, чтобы одно ваше старое, не совсем безупречное дело стало достоянием гласности? Дело некоего Павлова. Пресса любит такие истории. «Судья, который сломал жизнь невинному человеку ради очередной звездочки на погонах». Представляете заголовки? Вашей карьере придет конец. Вас

вышвырнут из системы, как использованный материал. И денег на лечение дочери у вас точно не появится. А время идет.

Шантаж. Прямой и безжалостный. Кнут и пряник. Классический прием, старый как мир. Но от этого не менее эффективный.

Я сидел и молчал. В голове был туман. Одна часть меня, та, что еще помнила присягу, кричала, что нужно встать и плеснуть ему в лицо остатками этого чертова сабли. Уйти, хлопнув дверью. Написать заявление в ФСБ. Поднять скандал. Но другая, холодная и расчетливая, та, что каждое утро видела измученное лицо Кати, шептала иное. Что это мой единственный шанс. Шанс спасти Катю. Система все равно перемолола бы этих саентологов, со мной или без меня. Приговор уже был написан где-то наверху. Мне предлагали лишь поставить под ним свою подпись. И получить за это жизнь собственного ребенка. Сделка казалась чудовищной. И дьявольски выгодной.

— Я подумаю, — сказал я, сам не узнавая своего голоса. Он был чужим, сильным.

— Думайте, — кивнул Дворкин, снова натягивая на лицо маску обаятельного интеллектуала. — Но не слишком долго. Здоровье вашей дочери не ждет. И мои... скажем так, оппоненты из прессы тоже очень нетерпеливы.

Я протянул руку и взял визитку. Картон был гладким и холодным, как кожа покойника. Я положил ее в карман пиджака, где она тут же начала жечь мне грудь, как клеймо. Я продал душу. Еще не получил плату, но сделка уже состоялась в тот момент, когда мои пальцы коснулись этого картона. Я поднял глаза и обвел взглядом зал. Теперь он не казался мне чужим. Я увидел его суть. Это был рынок. Просто здесь торговали не нефтью и не акциями. Здесь торговали судьбами, совестью, жизнями. И я только что стал одним из них. Одним из этих хищников в дорогих костюмах. Только добыча моя была не чужой бизнес, а остатки самого себя.

Глава 5. БУМАЖНЫЕ СОЛДАТЫ

Вернувшись из ресторана, я не мог найти себе места. Квартира казалась тюремной камерой, а тишина звенела в ушах. Визитка с номером счета лежала на столе, белый прямоугольник картона, в котором сконцентрировалась вся грязь этого мира. Я налил виски, но алкоголь не помогал. Он только обострял чувство тошноты.

Я был юристом. Я верил — или хотел верить — в закон. В то, что есть правила, процедуры, которые отличают правосудие от самосуда. И сейчас, прежде чем окончательно сдаться, я решил сделать последнюю попытку. Попытку найти выход. Найти юридическую лазейку, зацепку, которая позволила бы мне поступить, по совести, не уничтожив при этом себя и свою семью.

На следующий день я отменил все встречи и заперся в кабинете, сказав секретарше, что меня ни для кого нет. Я погрузился в материалы дела саентологов с одержимостью человека, ищущего противоядие от смертельного яда. Я читал не как судья, а как адвокат. Адвокат самого себя.

Позиция обвинения, представленная Минюстом, при ближайшем рассмотрении выглядела шаткой. Главный их аргумент, который они мусолили на все лады, был до смешного формальным. Слово «саентология», видите ли, зарегистрировано в США как товарный знак. А раз так, то это не религия, а коммерческое предприятие, оказывающее платные услуги под известным брендом. Этот довод был настолько притянут за уши, что казался издевательством над здравым смыслом. Следуя этой логике, любой крестик или икону можно было объявить товарным знаком и на этом основании закрыть православную церковь за незаконную предпринимательскую деятельность. Все остальные претензии — нарушение устава, несоответствие адреса — были такой же мелкой придиркой, которую при желании можно было найти у любой организации.

Потом я взялся за позицию защиты. Их возражения были написаны толково и аргументированно. Они ссылались на десятки решений Европейского суда по правам человека по аналогичным делам в других странах. И ЕСПЧ раз за разом вставал на их сторону, признавая саентологию религией и указывая на

недопустимость дискриминации на основании нетрадиционности верований. Они приложили нотариально заверенные переводы этих решений. Бумаги говорили сами за себя. С точки зрения международного права, позиция саентологов выглядела куда более выверенной и убедительной.

Я сидел, обложившись этими папками. На бумаге все выглядело просто. С одной стороны — неуклюжие, формальные придирки обвинения. С другой — железобетонная, подкрепленная международной практикой позиция защиты. Любой независимый суд, любой первокурсник юрфака сказал бы, что в иске Минюста следует отказать.

Но кому нужна эта юридическая казуистика, когда приговор уже написан за стенами этого здания? Я представил себе, как буду зачитывать решение в пользу саентологов. Как изменится лицо Дворкина. Как на следующий же день в какой-нибудь желтой газетенке появится статья о судье Макарове, который продался американской секте. А следом всплывет дело Павлова. И моя карьера, моя жизнь, обратится в прах. И Катя никогда не попадет в швейцарскую клинику.

Поздним вечером, когда здание суда опустело, я спустился в архив. Пыльные стеллажи, уходящие в полумрак, хранили тысячи таких же историй. Историй, где закон был лишь ширмой. Я хотел поговорить. Мне нужен был совет. Совет от человека, который прошел через все это и выжил.

Я позвонил Семену Борисовичу, судье в отставке, который когда-то был моим наставником. Старик был умен, циничен и все понимал. Мы встретились в маленьком кафе недалеко от его дома.

Я, не называя имен и деталей, обрисовал ему ситуацию. Сказал, что на меня давят по одному «резонансному» делу. Что позиция обвинения слабая, а от меня требуют обвинительного решения.

Семен Борисович долго молчал, размешивая сахар в чашке с чаем. Потом посмотрел на меня своими выцветшими глазами.

— Лёша, ты сколько лет в системе? Пятнадцать? И до сих пор задаешь такие вопросы? — его голос был тихим, скрипучим. — Есть дела, в которых ты не судья. Ты — исполнитель. Твоя задача — грамотно оформить уже принятое решение. Чтобы комар носа не подточил. Чтобы в апелляции устояло. Все.

— Но это неправильно, Семен Борисович. Это не правосудие.

Он горько усмехнулся.

— Правосудие — это для учебников. А в жизни есть интересы. Государственные, корпоративные, личные. И они не всегда совпадают с Уголовно-процессуальным кодексом. Ты можешь, конечно, упереться рогом. Попытаться сыграть в героя. Но система тебя сожрет и не подавится. Выплюнет косточки. Помнишь, что наш главный, Лебедев, как-то сказал? Он сказал: «Судья ведь тоже человек, у него тоже есть свой предел психологической выдержанности, и в этом кроется опасность для правосудия».

Глава 6. ГОЛОС С ТОЙ СТОРОНЫ

Встреча с Семеном Борисовичем оставила во рту привкус кладбищенской земли. Его цинизм был не броней, а саваном, в который он давно завернул остатки своей судейской чести. Я вышел из кафе в промозглую московскую ночь, и слова старика эхом отдавались в голове: «Ты — исполнитель». Это было не откровение. Это было подтверждение приговора, который я сам себе вынес много лет назад, когда впервые надел мантию. Но одно дело — понимать правила игры, и совсем другое — чувствовать, как петля затягивается на твоей собственной шее.

Несколько дней я жил на автомате. Приходил в суд, перебирал бумаги, слушал нудные прения сторон по делам, которые казались теперь ничтожными, как ссоры муравьев. Папка с делом саентологов лежала на краю стола, источая холод. Я не притрагивался к ней. Я боялся ее. Боялся, что, открыв ее снова, увижу там не юридические формулировки, а свое отражение.

Звонок раздался на мой личный мобильный, когда я уже собирался домой. Номер был незнакомый. Голос на том конце провода был молодой, энергичный и слегка нервный.

— Алексей Петрович? Судья Макаров? Меня зовут Арсений Вольский. Я представляю интересы «Саентологической церкви Москвы» в вашем процессе.

Я замер с портфелем в руке. Адвокат ответчиков. Этого еще не хватало. Встречи судьи с одной из сторон вне зала суда — это прямой путь к отводу.

— Я не могу с вами разговаривать, господин Вольский. Все, что вы хотите сказать, вы скажете в зале суда.

— Пожалуйста, уделите мне десять минут, — в его голосе прозвучало отчаяние. — Не как судье. Как человеку. Это не касается сути дела. То есть... касается, но не так, как вы думаете. Я буду ждать вас через полчаса в кофейне «Шоколадница» на Мясницкой. Угловой столик у окна. Если вы не придете, я пойму. Но я очень прошу вас прийти.

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа. Дерзость, граничащая с глупостью. Или с полным отчаянием. Я постоял минуту, взвешивая риски. Любой, кто увидел бы меня с ним, мог бы истолковать это превратно. Но что-то

в его голосе зацепило меня. Это была не уверенная наглость Дворкина. Это был крик человека, которого загнали в угол. И, черт возьми, я слишком хорошо знал это чувство.

Кофейня была полупустой. За столиком у окна сидел молодой человек лет тридцати в хорошо сшитом, но слегка помятом костюме. У него были умные, горящие глаза и вид человека, который несколько ночей не спал. Он вскочил, когда я подошел.

— Спасибо, что пришли, ваша честь.

— Это не «ваша честь», это Алексей Петрович. «И у вас девять минут», — сказал я, садясь напротив и не снимая пальто.

— Я понимаю, как это выглядит. Но они не оставили нам выбора. Все наши ходатайства отклоняются. наших свидетелей не вызывают. Это не суд. Это расправа. Я хотел, чтобы вы увидели не только бумаги. Я хотел, чтобы вы увидели людей.

Он положил на стол несколько фотографий, распечатанных на обычном принтере. На первой была пожилая женщина с добрым, морщинистым лицом. На второй — семья с двумя детьми. На третьей — парень в инвалидной коляске, который широко улыбался.

— Это Вера Игнатьевна. Ей семьдесят два. Она пришла к нам после смерти мужа. Была в глубочайшей депрессии, не хотела жить. Одитинг помог ей найти в себе силы. Сейчас она волонтер в хосписе. Дворкин скажет вам, что мы выкачали из нее все деньги. А она скажет, что мы вернули ей жизнь. Вот это семья Ковалевых. Андрей, их сын, был наркоманом. Прошел программу «Нарконон». Уже пять лет чистый. Работает, женился. А это Олег. После аварии врачи сказали, что он никогда не сможет даже держать ложку. Наши курсы по общению помогли ему не замкнуться в себе, не возненавидеть весь мир. Он сейчас пишет книги. Пальцами ног на специальной клавиатуре.

Он говорил быстро, страстно, тыча пальцем то в одну фотографию, то в другую.

— Ваша честь... Алексей Петрович... Вы судите не товарный знак. Вы судите вот этих людей. Их веру. Их право собираться вместе и помогать друг другу так, как они это понимают. Дворкин и Минюст видят в нас шпионскую организацию,

коммерческий культ, врагов государства. А мы — это Вера Игнатьевна, которая печет лучшие в мире пироги. Это Андрей, который боится сорваться и каждую неделю приходит на группы поддержки. Это Олег, который пишет о звездах, хотя никогда больше не сможет поднять голову к небу.

Я смотрел на эти любительские снимки, на эти обычные, ничем не примечательные лица. И чувствовал, как ледяная броня моего цинизма дает трещину. Я привык оперировать статьями, параграфами, доказательствами. Я привык видеть в деле истца и ответчика, обвинение и защиту. Я разучился видеть за всем этим живых людей. С их болью, надеждами и маленькими трагедиями.

— Почему вы? — спросил я глухо. — Почему именно вас так прессуют?

Вольский горько усмехнулся.

— Мы — идеальный враг. Непонятные, с американскими корнями, с собственной терминологией. Нас легко демонизировать. Сделать из нас пугало. К тому же, мы никогда не молчим. Мы судимся. Мы пишем жалобы. Мы подаем иски в ЕСПЧ и выигрываем их. Мы неудобные. Система таких не любит. Закон 1997 года «О свободе совести», который Дворкин помог протащить, был создан именно для таких, как мы. Чтобы можно было любую неудобную группу объявить «нетрадиционной» и начать душить.

Он замолчал, переводя дух.

— Я не прошу вас о снисхождении. Я прошу о справедливости. Просто рассмотрите дело беспристрастно. Вызовите наших свидетелей. Назначьте независимую религиоведческую экспертизу, а не ту, которую написал сам Дворкин под видом «экспертного совета». Дайте нам шанс защищаться в честном поединке.

Я молчал. Честный поединок. Он еще верил в такие вещи. Он был таким, каким я был пятнадцать лет назад. Горящим, верящим в закон и справедливость. И мне стало страшно за него. И стыдно за себя.

— Ваши десять минут истекли, — сказал я, поднимаясь. — Все, что вы сказали, вы можете изложить в письменном виде в качестве дополнения к своей позиции.

Я повернулся и пошел к выходу, не оглядываясь. Я чувствовал его взгляд в спину — растерянный, умоляющий. На улице снова начался дождь. Мелкий и холодный, как слезы. Я сел в машину и долго сидел, глядя на размытые огни города. Встреча с этим парнем не дала мне ответов. Она только задала новые вопросы. И главный из них был самым страшным: что если эти «сектанты» — просто люди? Что если Дворкин — лжец, а я — соучастник преступления не просто против закона, а против совести?

В кармане пиджака лежала визитка с номером швейцарского счета. Она казалась теперь не спасательным кругом, а камнем, который неумолимо тянул меня на дно.

Глава 7. ПЕРВЫЙ ПЛАТЕЖ

Отчаяние — это тихая комната, в которой внезапно перестают тикать часы. Ты еще не знаешь, что случилось, но уже чувствуешь ледяной холод пустоты. Мои часы остановились в среду. Я был на заседании, когда завибрировал телефон. Лена. Я сбросил. Она позвонила снова. И снова. В груди заворочался холодный, склизкий страх. Я объявил перерыв и выскочил в коридор.

— Что? — выдохнул я в трубку.

— Леша... — она плакала. — У Кати кризис. Ее увезли в реанимацию. Врач говорит... говорит, что обычная терапия больше не работает. Нужно что-то делать. Срочно.

Слова врача, которые она передавала мне сквозь рыдания, были как удары молотка по пальцам. Резкое ухудшение. Необратимые процессы. Экспериментальная терапия в Швейцарии — это уже не «шанс на лучшую жизнь». Это последний шанс. Единственный.

— У нас нет времени, Леша. Понимаешь? Его больше нет.

Я стоял посреди гулкого судебного коридора, прислонившись лбом к холодной стене. Люди в мантиях и мундирах проходили мимо, не замечая меня. У них были свои дела, свои процессы. А мой главный процесс только что перешел в финальную стадию. И я его проигрывал.

В тот момент что-то сломалось во мне. Окончательно. Все мои метания, остатки совести, профессиональная этика — все это схлопнулось в одну-единственную мысль, яркую и острую, как лезвие бритвы: спасти Катю. Любой ценой.

Вернувшись в кабинет, я нашел визитку Дворкина. Руки дрожали так, что я с трудом набрал номер.

— Александр Дворкин.

— Это Макаров. Я согласен.

В трубке на мгновение повисла тишина. Потом его голос, ровный и деловой, произнес:

— Я рад, что вы приняли верное решение, Алексей Петрович. Сегодня в одиннадцать вечера. Подземная парковка торгового центра «Атриум», минус третий уровень, сектор G. Черный «мерседес», номера три семерки. Подойдете к водительской двери.

Короткие гудки. Он даже не стал ничего обсуждать. Все было готово заранее. Он ждал этого звонка. Он знал, что я сломаюсь.

Вечером я ехал по ночной Москве, и город казался мне чужим, враждебным. Неоновые вывески отражались в мокром асфальте, как кровавые раны. Я был предателем. Я ехал предавать закон, которому присягал. Предавать того наивного парня-адвоката. Предавать самого себя. Но в глубине души, там, где жила боль за Катю, я чувствовал странное, извращенное облегчение. Я действовал. Я больше не был жертвой обстоятельств. Я сам делал выбор. Грязный, страшный, но выбор.

Подземная парковка «Атриума» была огромной и почти пустой. Густая тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляции. Бетонные колонны отбрасывали длинные тени. Воздух пах сыростью и бензином. Я нашел сектор G. Черный лакированный «мерседес» стоял в дальнем углу, похожий на огромного жука. Фары были погашены.

Я подошел к водительской двери. Стекло бесшумно опустилось. За рулем сидел человек в дорогом пальто, которого я никогда не видел. Лицо у него было невыразительным, как у манекена. Он не поздоровался. Просто протянул мне толстый конверт из плотной бумаги и маленький кнопочный телефон.

— Конверт для вас. Телефон тоже. По нему будут звонить. После того как позвонят, выбросите его.

Я взял конверт. Он был тяжелым и холодным.

— Где гарантии? — спросил я, сам не зная, зачем.

Человек за рулем впервые посмотрел на меня. Взгляд у него был пустой и холодный.

— Гарантия в том, что вы уже здесь, судья. А теперь уходите.

Стекло так же бесшумно поднялось. Я остался один посреди бетонной пустыни.

Я не поехал домой. Я остановился в каком-то переулке, заглушил мотор и вскрыл конверт. Внутри была пачка евро, туго перетянутая резинкой. Тысяч десять, не больше. На первое время. И лист бумаги с реквизитами счета в швейцарском банке. А под ним — распечатка с подтверждением первого транша. Двести тысяч евро. Сумма, от которой потемнело в глазах. Подтверждение было датировано сегодняшним числом, двумя часами ранее. Они перевели деньги еще до моего звонка. Они были уверены во мне на сто процентов.

Бумага в руках была холодной и безжизненной. Но она весила больше, чем вся моя присяга. Больше, чем все тома законов в моем кабинете. Я сидел в темноте своей машины и смотрел на эти цифры. Я продал душу не дьяволу. Я обменял ее на шанс для дочери. И в тот момент сделка казалась мне не просто выгодной. Она казалась единственно возможной.

Я завел машину. Чувства вины не было. Была только оглушающая пустота и холодная, металлическая решимость. Игра окончена. Правила изменились. Теперь я не просто судья, зажатый в угол. Я был частью их команды. Пешкой на их доске. Но пешкой, которая только что получила свою плату. И эта мысль была самой отвратительной из всех.

Глава 8. ЖУЧКИ В ИСПОВЕДАЛЬНЕ

Деньги жгли карман, а потом и банковский счет, как клеймо раскаленного железа. Я перевел Лене необходимую сумму, соврав что-то про старый долг, который мне внезапно вернули. Она не стала расспрашивать. Она была слишком поглощена сборами, переговорами с клиникой, оформлением виз. Она была наполнена надеждой, и эта надежда, купленная мной за такую цену, делала мою ложь еще более омерзительной.

В суде я превратился в машину. Я вынес определение о принятии обеспечительных мер по иску Минюста, наложив арест на счета и имущество саентологов. Юридически это было сомнительно, но я нашел формулировки, которые делали это возможным. Адвокат Вольский на заседании смотрел на меня с немым укором. В его глазах я больше не был человеком, к которому можно было апеллировать. Я стал частью безликой репрессивной машины. И он, и я знали, что игра проиграна.

А потом ставки резко выросли. Дело перестало быть просто административным спором о ликвидации. Оно начало пахнуть тюрьмой.

Однажды утром, придя в суд, я увидел у входа толпу журналистов. Камеры, микрофоны, суета. Мой кабинет уже гудел, как растревоженный улей. Секретарша встретила меня с огромными от ужаса глазами.

— Алексей Петрович, там такое... Вчера ночью в офисах саентологов были обыски. ФСБ. Говорят, нашли прослушку. Целую шпионскую сеть.

Новость ударила под дых. Я заперся в кабинете и включил новостной канал. Сюжет шел первым номером. Кадры оперативной съемки: люди в масках врываются в помещение, укладывают на пол сотрудников. Потом — крупные планы: столы, заваленные бумагами, и человек в штатском, который демонстрирует на камеру маленькие устройства, похожие на пуговицы. Диктор бодрым голосом сообщал о пресечении деятельности преступной группы, которая вела незаконный сбор информации о своих адептах с целью дальнейшего шантажа. «Жучки», по его словам, были вмонтированы даже в комнаты для исповедей, которые у саентологов называются «одитингом».

Все было срежиссировано идеально. «Шпионская секта», «тотальный контроль», «шантаж». Общественное мнение было сформировано за десять

минут эфирного времени. Дело о ликвидации юридического лица превращалось в уголовное дело об экстремистском сообществе и незаконном обороте спецсредств.

На следующем заседании прокурор был триумфатором. Он зачитал рапорт об обысках и ходатайствовал о приобщении к нашему гражданскому делу материалов из нового, уголовного. Он говорил о том, что эти факты неопровержимо доказывают «истинную природу» организации. Это была не церковь, а разведслужба, работающая по заветам своего основателя, писателя-фантаста Рона Хаббарда.

Вольский был бледен, но не сломлен.

— Это провокация, ваша честь! — его голос звенел от негодования. — Эти устройства были подброшены. Мы несколько месяцев назад сами обращались в полицию с заявлением, что в наших офисах могут находиться посторонние предметы, оставленные провокаторами. Нам отказали в возбуждении дела! А теперь ФСБ «находит» то, о чем мы сами пытались заявить. Оборудование для записи одитинга у нас действительно есть, мы этого не скрываем. Это нужно для внутреннего контроля качества предоставления религиозных услуг, как супервизия у психоаналитиков. Но то, что они «нашли», — это не наше оборудование.

Я слушал его и понимал, что это уже не имеет никакого значения. Правда утонула в шуме телекамер. Картина была нарисована, враг назначен. Моя роль теперь сводилась к тому, чтобы юридически грамотно оформить линч.

Вечером зазвонил тот самый «одноразовый» телефон. Голос Дворкина был бодр и весел.

— Ну что, Алексей Петрович, как вам поворот? Эффектно, не правда ли?

— Что это было? — спросил я глухо. — Мы так не договаривались. Речь шла о ликвидации, а не об уголовном деле.

В трубке раздался смешок.

— Не будьте наивны, ваша честь. Это война. А на войне все средства хороши. Кстати, мы ведь просто следуем их же собственным правилам. У Хаббарда есть замечательная цитата, ее очень любят цитировать на антикультистских сайтах:

«Единственный способ защиты — это нападение». Мы просто используем их оружие против них самих. Они годами изводили нас исками, тактикой «шумного расследования», сбором компромата. Теперь мы платим им той же монетой.

Его цинизм был безграничен. Он наслаждался своей властью, своей безнаказанностью. Он был кукловодом, который не скрывал нитей.

— Я судья в гражданском процессе, — сказал я, стараясь сохранить остатки достоинства. — Уголовные дела — не моя юрисдикция.

— Ваша, ваша, — мягко возразил он. — Теперь ваша. Эти материалы лягут в основу вашего решения. Они доказывают антиобщественный, противоправный характер их деятельности. Это больше не спор о статусе. Это дело о национальной безопасности. И ваше решение по ликвидации станет первым шагом. Преюдицией для будущего уголовного приговора. Вы закладываете фундамент, Алексей Петрович. Фундамент для большой и важной победы.

Он повесил трубку. Я сидел в тишине своего кабинета, и мне казалось, что стены сдвигаются. Я влез в это болото по колено, думая, что смогу выбраться. Но оно засасывало меня все глубже. Я хотел спасти одного человека, свою дочь. А в итоге становился соучастником уничтожения десятков, сотен других. Дворкин не просто купил мое решение. Он купил меня всего, с потрохами. И теперь я был не просто продажным судьей. Я был его инструментом. Безотказным и послушным.

Глава 9. ЭХО СТАРОГО ДЕЛА

Вина — странная штука. Иногда она похожа на тупую зубную боль, которая ноет где-то на задворках сознания, и к ней даже можно привыкнуть. А иногда она взрывается, как фугас, разметывая к чертям все твои оправдания и жалкие попытки договориться с самим собой. Мой фугас ждал меня холодным октябрьским вечером у подъезда собственного дома.

Я вышел из машины, ежась от пронизывающего ветра. Из тени от старого тополя шагнула фигура. Невысокий, сутулый мужчина в потертой куртке. Лицо у него было серым, измятым, как старая газета. Под глазами — темные круги. Он кашлянул, и этот сухой, рвущий грудь кашель показался мне смутно знакомым.

— Гражданин судья? Макаров?

Я остановился. Что-то в этом человеке, в его изможденном виде, в его голосе заставило меня напрячься. Я его не узнавал, но чувствовал, что должен узнать.

— Я слушаю.

Он сделал еще шаг, выйдя под свет фонаря. И тогда я его узнал. Узнал по глазам. Они были такими же, как на фотографии из той папки, которую мне подбросили. Только тогда в них был вызов и злость, а теперь — только бездонная, выжженная усталость. Павлов. Александр Павлов. Человек, которого я отправил в тюрьму на десять лет.

Сердце пропустило удар и заколотилось где-то в горле.

— Что вам нужно? — мой голос прозвучал хрипло.

Он криво усмехнулся. Уголки губ поползли вниз.

— Да ничего, гражданин судья. Ничего мне от вас уже не нужно. Я просто... хотел посмотреть. В глаза.

Он смотрел на меня не мигая. И в этом взгляде не было ненависти. Было что-то хуже. Равнодушное любопытство энтомолога, разглядывающего букашку.

— Я слышал, у вас сейчас большое дело. Громкое. Про сектантов каких-то. В газетах пишут. Говорят, решается судьба страны, — он снова кашлянул.

Кашель сотряс все его тщедушное тело. — Я вот тоже думал, что у меня было большое дело. А оказалось — просто цифра в вашей отчетности. Палочка.

Я молчал. Слова застряли в горле комом. Что я мог ему сказать? Что мне жаль? Что я был молод и глуп? Что на меня давили? Любые слова прозвучали бы как оскорбление.

— Знаете, что самое смешное? — продолжил он, не дождавшись ответа. — Тот свидетель, главный, который меня утопил... Он через три года в пьяной драке по пьяни признался, что оговорил меня. Ему денег дали. И пригрозили. Есть даже люди, которые это слышали. Но кому это было уже интересно? Дело закрыто. Приговор вступил в силу. А я... я просто сидел. Год за годом. Туберкулез там подхватил. Жену потерял, ушла, конечно. Сын вырос, не зная отца. А я просто сидел. Потому что вы, гражданин судья, поставили свою подпись.

Он не повышал голоса. Он говорил тихо, почти бесцветно, и от этого его слова впивались в мозг, как раскаленные иглы. Я видел не абстрактную «ошибку прошлого». Я видел перед собой ее результат. Сломленного, больного человека, чью жизнь я пустил под откос одним росчерком пера.

— Я не мстить пришел, — сказал он, видя, как я сжимаю кулаки. — Кому мстить? Вам? Системе? Это все равно что мстить дождю за то, что он идет. Бессмысленно. Я просто хотел, чтобы вы посмотрели. Посмотрели на свою работу. И может быть... в этот раз... когда будете решать судьбу этих, как их... саентологов... вы подумаете лучше.

Он замолчал. Повернулся и медленно, шаркающей походкой побрел прочь, растворяясь в вечернем сумраке. Я смотрел ему вслед, не в силах пошевелиться.

Эта встреча была страшнее любой угрозы, любого шантажа. Дворкин давил на мой страх, на мою алчность, на мою отцовскую любовь. А этот человек, Павлов, он просто пришел и показал мне зеркало. И в этом зеркале я увидел не уставшего циника, не жертву обстоятельств. Я увидел чудовище. Человека, который ради своего спокойствия, ради карьеры, ради денег способен перешагнуть через чужую жизнь, не поморщившись.

Я зашел в подъезд, поднялся в квартиру. Налил полный стакан виски и выпил залпом. Но жжение в горле не могло заглушить другого жжения — того, что сжигало меня изнутри. Я вспомнил лицо адвоката Вольского, его горящие

верой глаза. Я вспомнил фотографии обычных людей, которых он мне показывал. И я понял, что сейчас, в эти самые дни, я делаю то же самое, что сделал десять лет назад. Только теперь я был не неопытным новичком, а зрелым, осознанным подонком. И цена моей подписи была гораздо выше.

Прошное не просто вернулось. Оно пришло, чтобы стать моим будущим. Павлов был призраком моего прошлого Рождества. А впереди меня ждали призраки настоящего и будущего. И я знал, что они будут еще страшнее.

Глава 10. ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

После встречи с Павловым я начал пить. Не как раньше, по вечерам, чтобы снять напряжение. А по-настоящему. Утром, чтобы набраться смелости пойти в суд. Днем, добавляя коньяк в кофе прямо в кабинете. Вечером, чтобы забыться. Мир сузился до размеров стакана. Все остальное — процесс, бумаги, звонки Лены из Швейцарии с радостными отчетами о состоянии Кати — все это казалось далеким и нереальным, как кино на экране.

Я превратился в идеального исполнителя, о котором говорил Семен Борисович. Я больше не сомневался, не рефлексировал. Я просто делал то, что от меня требовалось. Отклонял ходатайства. Игнорировал доводы защиты. Вел процесс к единственно возможному финалу. Моя совесть была под глубоким наркозом, и я делал все, чтобы она не проснулась.

Саентологи, казалось, тоже смирились. Их адвокат Вольский больше не пытался пробиться ко мне. На заседаниях он выглядел уставшим и осунувшимся. Его пылкие речи сменились сухими, формальными возражениями. Он тоже понял, что играет с шулерами крапленой колодой.

Но я их недооценил. Они были загнаны в угол, но еще не сломлены. Последний их ход был сделан в стиле отчаянной азартной игры, когда на кон бросается все, что осталось.

Меня перехватил Вольский. Не в суде. Он ждал меня в машине у моего дома. Это было так дерзко, что я даже не сразу разозлился. Он просто открыл пассажирскую дверь, и я, повинуясь какому-то странному импульсу, сел. Вид у него был ужасный. Бледный, с красными от бессонницы глазами. От бывшего идеализма не осталось и следа. Передо мной сидел человек, который прошел ускоренный курс выживания в джунглях.

— Они вас купили, — сказал он без предисловий. Голос был ровным и безжизненным. — Не отвечайте. Это не вопрос. Мы все понимаем. Ваша дочь в Швейцарии. Мы проверили.

Я молчал. Ледяной холод пополз по спине. Они тоже умели собирать информацию.

— Я пришел не обвинять вас, — продолжил он. — Я пришел предложить вам выход. Для всех нас.

Он протянул мне обычную флешку черного цвета.

— Что это?

— Это ваш козырной туз. Или наш. Как посмотреть. Это компромат на Дворкина.

Я уставился на него.

— Думаете, я поверю? Очередные «доказательства»?

— Там не очередные доказательства, — в его глазах блеснул холодный огонек. — Там его счета. Не те, что в официальных декларациях. Офшорные. Там переводы от структур, связанных с рейдерскими захватами церковей других конфессий. Там его переписка, в которой он обсуждает с «коллегами» из силовых структур детали будущих уголовных дел. Там финансовые отчеты его «антисектантского» центра, который существует на деньги людей, чьих конкурентов он потом топит под видом борьбы с сектами. Он не крестоносец, судья. Он бизнесмен. Очень успешный бизнесмен, который торгует страхом и административным ресурсом.

Я взял флешку. Она была легкой, почти невесомой. Но я чувствовал, что в моих руках бомба.

— Зачем вы мне это даете? — спросил я. — Почему не опубликуете?

Вольский криво усмехнулся.

— И кто нас будет слушать? «Сектанты» пытаются очернить святого борца за духовность? Нас размажут за один день. А вот если эти материалы всплывут в рамках судебного процесса... Если судья, ведущий дело, вдруг усомнится в кристальной честности главного эксперта обвинения и инициирует проверку... Это будет совсем другой эффект.

Теперь я понял его план. Он давал мне оружие не для того, чтобы я шантажировал Дворкина втихую. Он предлагал мне взорвать всю эту игру изнутри. Вытащить грязь на свет прямо в зале суда.

— Уничтожьте его, — сказал Вольский тихо и жестко. — Или он уничтожит вас. И нас заодно. Когда это дело закончится, вы станете ему не нужны. Вы — свидетель. Опасный свидетель. Он от вас избавится. Попомните мое слово. А так... у вас есть шанс. Шанс выйти из этой истории не в роли козла отпущения.

Он вышел из машины и скрылся во тьме. Я остался один. С флешкой в руке.

Дома, налив себе виски, я вставил флешку в ноутбук. Там были папки, аккуратно рассортированные по датам и темам. Сканы банковских выписок с Кипра и из Панамы. Аудиозаписи разговоров, где знакомый голос Александра Дворкина с циничной деловитостью обсуждал, как «закошмарить» очередных «клиентов». Внутренняя переписка его фонда, из которой следовало, что «борьба с сектами» — это прибыльный бизнес по переделу собственности.

Вольский был прав. Дворкин был не фанатиком. Он был хищником, который нашел себе идеальную кормовую базу.

Теперь у меня был выбор. Настоящий выбор. Я мог сделать вид, что ничего не было, и довести дело до приговора, получив остаток платы и надеясь, что Дворкин меня не тронет. Или я мог нанести удар. Я мог использовать эту флешку. Я мог превратить процесс в фарс, вскрыв истинное лицо главного обвинителя. Это был бы скандал всероссийского масштаба.

Это был выход. Или просто еще один круг ада. Ведь чтобы использовать это оружие, мне пришлось бы самому стать игроком. Шантажистом. Манипулятором. Таким же, как они.

Я смотрел на экран ноутбука, на цифры с шестью нулями на чужих счетах, на схемы и графики. Искушение было огромным. Спасти свою шкуру. Отомстить Дворкину за унижение. Восстановить некое подобие справедливости, пусть и такими же грязными методами. Я сидел в темноте своей квартиры, и в руках у меня была власть. Власть разрушить все. И я не знал, хватит ли у меня сил, чтобы ею не воспользоваться.

Глава 11. ГОРОД БЕЗ ОГНЕЙ

Ноябрь пришел в Москву, как судебный пристав в дом должника: без стука, с холодным лицом и постановлением об аресте последней надежды. Он содрал с деревьев остатки позолоты, оставив их черные скелеты на фоне свинцового неба. Воздух стал тонким и колким, он пах выхлопами, мокрым бетоном и всеобщим унынием. Город сжался, потускнел, втянул голову в плечи, готовясь к долгой зиме, похожей на пожизненное заключение.

Я пил. Пил много, методично, без удовольствия. Алкоголь больше не был анестезией, он стал топливом. Утром виски в кофе, чтобы завести остывший мотор и заставить себя поехать в это здание, где стены, казалось, сочились лицемерием. Днем — коньяк из плоской фляжки в ящике стола, чтобы голоса в голове говорили чуть тише. Вечером — все, что горело, чтобы просто дожить до утра. Моя совесть не была под наркозом. Она была мертва, и я заливал ее труп спиртом, чтобы он не начал разлагаться слишком быстро.

Флешка, которую дал мне Вольский, лежала в кармане моего пиджака. Маленький кусок пластика, холодный и гладкий, как галька с речного дна. В нем была сила, способная взорвать все к чертовой матери. Я мог уничтожить Дворкина. Я мог вытащить на свет всю его подноготную — офшоры, сделки с силовиками, циничный бизнес на чужом горе. Я мог превратить этот судилищный фарс в арену для гладиаторского боя, где я, умирающий, мог бы утащить за собой в ад своего мучителя. Это был шанс. Шанс на месть. Шанс на какое-то извращенное, грязное, но все-таки искупление. Шанс доказать себе, что я не просто продажная тварь, а игрок, который может перевернуть доску.

Я думал об этом несколько дней, перебирая варианты, как игрок перебирает карты перед последней ставкой. Каждый вечер я приходил домой, доставал флешку и смотрел на нее, как на пузырек с ядом. Один укол — и все закончится. Скандал. Расследование. Дворкин, барахтающийся в той же грязи, в которую он окунул меня. Мое имя в заголовках — не как продажного судьи, а как разоблачителя, который пожертвовал карьерой ради правды. Красивая картинка. Слишком красивая для этого города.

Система не прощает таких фокусов. Она не любит, когда винтики начинают мнить себя часовым механизмом. Меня бы сожрали первым. Дворкин мог быть

хищником, но он был своим, системным хищником. А я, вскрыв его грязные дела, стал бы чужаком, предателем корпорации. Мои собственные скелеты, начиная с дела Павлова, вытащили бы на свет и отполировали до блеска. Меня бы лишили статуса, растоптали, смешали с грязью. И никто бы не подал руки.

А Катя? Что стало бы с Катей? Деньги, которые уже лежали на швейцарском счете, заморозили бы в тот же день. Их происхождение стало бы предметом расследования. Лена осталась бы одна, без денег, с умирающим ребенком на руках. И вся моя героическая борьба за справедливость обернулась бы смертным приговором для моей дочери.

Выбор был прост, как удар кастетом в висок. Либо моя душа, либо ее жизнь. И каждый раз, когда я подходил к краю, я видел ее лицо. Ее огромные серые глаза, в которых еще теплилась надежда. И я отступал.

В один из таких вечеров я принял решение. Это было не озарение, не мучительный выбор. Это было тихое, холодное смирение, как у приговоренного, который перестал надеяться на помилование. Я налил себе полный стакан виски. Взял флешку. Она ничего не весила. Но в моих руках она была тяжелее всего мира.

Я з и швырнул флешку в унитаз. Потом нажал на слив. Вода забурлила, унося с собой мой последний шанс. Мой бунт. Мою месть. Секунду я смотрел на пустую чашу. Ничего не изменилось. Мир не остановился. Просто стало тише. Голос, который шептал мне о сопротивлении, замолчал. Навсегда. Я вернулся к столу, допил виски и почувствовал оглушающую пустоту. Я сдался. Окончательно и бесповоротно. Я выбрал жизнь Кати. И свою собственную смерть.

Теперь я был пуст. Оболочка в судейской мантии. Автомат по вынесению приговоров. Дворкин мог быть спокоен. Его инструмент был отлажен и готов к работе.

Ночью мне снились кошмары. Не Павлов, не Дворкин. Мне снилась Катя. Она стояла на другом берегу широкой, черной реки и махала мне рукой. Я пытался крикнуть ей, но голоса не было. Я хотел пойти к ней, но ноги увязли в липкой, засасывающей грязи. И я понимал, что она на том берегу, где солнце и

жизнь, а я остался здесь, в вечной темноте. И между нами — река, которую я никогда не смогу пересечь.

Я просыпался в холодном поту. Квартира казалась склепом. Я бродил по ней из угла в угол, натываясь на мебель, как слепой. Однажды я вышел на улицу. Было три часа ночи. Москва спала. Я шел бесцельно, погружаясь в лабиринты переулков. Фонари выхватывали из темноты мокрые стены, обшарпанные фасады, заваленные мусором арки. Город был грязным, уставшим, прогнившим. Он был моим отражением.

Я зашел в какой-то круглосуточный бар. За стойкой дремал усатый бармен, в углу за столиком спал пьяный. Воздух в баре был густым и липким, как ложь прокурора. Он пах перегаром, дешевым табаком и безнадеей.

— Виски. Двойной, — сказал я, садясь на высокий стул.

Бармен молча налил.

Я смотрел на свое отражение в зеркале за его спиной. На меня глядел незнакомый человек. Мужчина с потухшими глазами, с сединой на висках, которая появилась, казалось, за одну ночь. На его лице застыла маска усталости и отвращения. Это был не судья Макаров. Это был призрак. Призрак человека, который когда-то верил в закон.

В этом городе все что-то продавали. Кто-то — тело, кто-то — информацию, кто-то — родину. А я торговал правосудием. Оптом и в розницу. Мой товар был самым ходовым. На него всегда был спрос. И я только что заключил свою самую крупную сделку.

Мне показалось, что за мной следят. В зеркале я видел фигуру у входа. Темный силуэт в плаще. Я резко обернулся. Никого. Просто игра света и тени. Паранойя. Профессиональная деформация. Или просто страх, который теперь жил во мне постоянно, как паразит. Страх, что они придут за мной. Что Дворкин решит, что живой свидетель ему не нужен. Вольский ведь предупреждал.

Я допил виски и вышел на улицу. Ветер пробирал до костей. Я поднял воротник пальто и пошел домой. Идти больше было некуда.

Впереди был последний акт этого театра абсурда. Финальные слушания. Приговор. Я знал свои реплики. Я был готов их произнести. Я был сломлен, пуст и абсолютно спокоен. Спокойствием мертвеца, которому уже нечего терять.

Глава 12. ТЕАТР ПРАВОСУДИЯ

Зал заседаний Мосгорсуда всегда казался мне холодным и неудобным. Высокие потолки, панели из темного дерева, герб с двуглавым орлом, который смотрел одновременно в прошлое и в будущее, но, казалось, не видел настоящего. Но в дни финальных слушаний по делу саентологов этот зал превратился в нечто иное. Он стал сценой. Сценой для тщательно срежиссированного спектакля, где все роли были расписаны заранее, а финал был известен режиссеру еще до поднятия занавеса.

Я сидел в своем высоком кресле, которое больше не скрипело — его успели смазать, — и чувствовал себя чучелом в судейской мантии. Я был здесь главным действующим лицом и одновременно самым незначительным статистом. Моя воля, мои сомнения, мои муки — все это осталось за стенами этого зала. Сюда я принес только свою оболочку и голос, которым мне предстояло озвучить чужое решение.

Прения сторон. Последний акт драмы. Первым выступал прокурор. Молодой, с горящими от карьерного азарта глазами, он был похож на хищника, почуявшего кровь. Его речь была пафосной и гладкой, как надгробный камень. Он больше не цеплялся за формальные придирки вроде товарного знака. Теперь у него был козырь, и он выложил его на стол с триумфальным видом.

— Ваша честь! — его голос гремел, отражаясь от деревянных панелей. — Мы больше не говорим о нарушении устава. Мы говорим о преступной деятельности, замаскированной под религию! Материалы, предоставленные Федеральной службой безопасности, неопровержимо доказывают: под видом духовных практик, так называемого «одитинга», в этой организации велся тотальный сбор информации о частной жизни граждан! В комнатах для исповедей были установлены средства негласного получения информации! Это шпионская сеть, ваша честь! Сеть, созданная для шантажа, манипуляций и контроля над адептами. Это не церковь. Это коммерческая разведслужба, построенная по лекалам спецслужб!

Он говорил долго, пересыпая речь цитатами из заключений «экспертов», рапортами оперативников и выдержками из трудов Рона Хаббарда, вырванными из контекста и поданными под соусом зловещего заговора. Он

рисовал картину монстра, спрута, который запустил свои щупальца в самое сердце нашей страны. Это была хорошая речь. Убедительная. Для тех, кто хотел быть убежденным.

Я смотрел на него и не слушал слов. Я видел перед собой себя, пятнадцать лет назад, пожимающего руку такому же прокурору после приговора Павлову. Та же уверенность в своей правоте. Та же готовность перешагнуть через сомнения ради «высшей цели». Или просто ради звездочки на погонах.

В зале, на скамье для публики, сидел Дворкин. Он не смотрел на прокурора. Он смотрел на меня. На его лице была легкая, едва заметная улыбка. Улыбка режиссера, довольного игрой своего актера. Он не просто присутствовал. Он контролировал. Он был здесь невидимым дирижером, и все мы — прокурор, адвокат, я — танцевали под его музыку.

Потом слово дали Вольскому. За последние месяцы он сильно изменился. Куда-то исчез юношеский идеализм. Глаза, раньше горевшие праведным гневом, теперь были полны холодной, злой усталости. Он похудел, осунулся. Костюм висел на нем, как на вешалке. Он прошел ускоренный курс в школе цинизма, и выпускной экзамен проходил прямо сейчас.

Он встал и заговорил. Голос у него был тихий, но в мертвой тишине зала каждое слово звучало как удар хлыста. Он не стал оправдываться. Он перешел в атаку.

— Ваша честь, — начал он, глядя мне прямо в глаза, — я не буду в сотый раз говорить о свободе совести и решениях Европейского суда. Я не буду доказывать, что найденные ФСБ «жучки» — это грубая, неуклюжая провокация, о которой мы сами пытались заявить за несколько месяцев до обысков. Это бессмысленно. Потому что это не суд. Это театр. Театр правосудия, где приговор написан заранее.

Прокурор вскочил, что-то закричал про оскорбление суда. Я механически стукнул молотком.

— Защитник, придерживайтесь сути дела.

— Это и есть суть дела, ваша честь, — Вольский даже не повернул головы в сторону прокурора. Он смотрел только на меня. — Суть в том, что это дело не

имеет никакого отношения к закону. Это заказ. Заказ, который исполняет вот этот человек.

И он указал пальцем на Дворкина.

В зале зашумели. Дворкин даже не дрогнул. Он продолжал улыбаться своей профессорской улыбкой.

— Ваша честь, я прошу приобщить к материалам дела ходатайство о проверке деятельности так называемого «эксперта» обвинения, гражданина Дворкина Александра Леонидовича. Проверке источников финансирования его «антисектантского» центра РАЦИРС. Мы утверждаем, что господин Дворкин является не бескорыстным борцом за духовность, а бизнесменом, который построил свой бизнес на разжигании ненависти и уничтожении религиозных меньшинств в интересах третьих лиц. Мы утверждаем, что вся его «экспертная» деятельность — это прикрытие для рейдерских атак!

Это был его последний, отчаянный ход. Он играл в открытую. Он знал, что я знаю. Он знал, что у меня была флешка. И он этим ходатайством задавал мне прямой вопрос: ты со мной или с ними? Ты утонешь один или попытаешься утащить их за собой? Он бросал мне спасательный круг, зная, что я, скорее всего, не смогу за него ухватиться.

Я смотрел на бумаги, которые он положил на мой стол. Ходатайство. Десятки страниц каких-то выписок, схем. Мусор. Без той флешки все это было просто словами, голословными обвинениями, которые легко было отмести.

Я поднял голову и посмотрел на него. В его глазах была последняя, отчаянная мольба. Потом я перевел взгляд на Дворкина. Его улыбка стала шире. Он знал, что я отвечу. Он все знал.

— В удовлетворении ходатайства отказать, — сказал я ровным, мертвым голосом. — Представленные материалы не имеют отношения к предмету иска. Продолжайте, защитник.

Вольский смотрел на меня еще секунду. В его глазах что-то потухло. Окончательно. Он понял. Он опустил плечи, как боксер, пропустивший нокаутирующий удар.

— У меня все, ваша честь, — сказал он тихо и сел.

Больше он не произнес ни слова. Он просто сидел, глядя в одну точку, пока прокурор произносил свою заключительную реплику. Спектакль подходил к концу. Я объявил, что суд удаляется для вынесения решения, и назвал дату: двадцать третье ноября.

Выходя из зала, я прошел мимо Дворкина. Он встал, как бы из уважения к суду. Когда я поравнялся с ним, он наклонился и прошептал так, чтобы слышал только я:

— Блестяще, Алексей Петрович. Ни одной фальшивой ноты. Финал будет грандиозным. Не забудьте свои реплики.

Я не ответил. Я просто шел по длинному, гулкому коридору, и стук моих шагов отдавался в голове, как удары молотка, забивающего крышку гроба. Моего собственного гроба.

Глава 13. СЛОВО ЗАКОНА

Двадцать третье ноября две тысячи пятнадцатого года. Этот день впечатался в мою память не датой в календаре, а ощущением. Ощущением серого, вязкого холода, который проникал не под пальто, а под кожу, прямо в кости. С утра небо было затянуто низкой, плотной пеленой, похожей на грязную вату. Город за окном моего кабинета был беззвучным, словно вымершим.

Я не спал всю ночь. Сидел в кресле с потушенным светом и смотрел на фотографию Кати. Она улыбалась своей щербатой улыбкой, и в ее глазах еще не было той тени, которая поселилась там позже. Я спас ее. Я купил ей эту улыбку. Я заплатил за нее всем, что у меня было. И всем, чем я был. Сделка была честной. Просто цена оказалась слишком высокой.

Утром я долго стоял под душем, пытаюсь смыть с себя не грязь, а самого себя. Потом надел свежую рубашку, костюм. И мантию. Тяжелую, черную, из плотного сукна. Когда-то она казалась мне символом власти и справедливости. Теперь она была саваном. Я надевал ее, как мертвец надевает свой погребальный наряд. Ритуал был важен. Он помогал отделить Алексея Макарова, человека, у которого была дочь, от судьи Макарова, функции, машины для оглашения приговоров.

Дорога в зал заседаний показалась мне бесконечной. Коридоры суда были наполнены людьми. Журналисты с камерами, похожие на стаю стервятников. Какие-то активисты с плакатами, которых оттесняла охрана. И просто любопытные. Я шел сквозь эту толпу, не видя лиц, не слыша их гула. Я был в аквариуме, отделенный от мира толстым, невидимым стеклом.

Когда я вошел в зал, воцарилась тишина. Все встали. Я сел в свое кресло и обвел взглядом присутствующих. Прокурор с напряженным, торжественным лицом. Вольский, бледный, с потухшими глазами, похожий на собственную тень. Несколько саентологов, чьи лица были непроницаемыми масками. И Дворкин. Он сидел в первом ряду, прямой и элегантный, как всегда. Он слегка кивнул мне. Приветствие палачу перед казнью.

Я взял со стола папку с приговором. Листы были холодными и гладкими. Я писал его несколько дней, выверяя каждую формулировку, подгоняя выводы под заранее известный результат. Это был хороший приговор. С юридической

точки зрения, почти безупречный. Он был построен на формальных нарушениях, но скреплен, как цементом, «доказательствами» антиобщественного характера их деятельности, которые подбросила ФСБ. Он был ложью от первого до последнего слова, но ложью, облеченной в безупречную юридическую форму.

— Именем Российской Федерации... — мой голос прозвучал глухо и чуждо, как будто говорил кто-то другой. Я начал читать.

Слова слетали с языка, сухие, казенные, безжизненные. *«Рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве...».*

Я читал, а в голове всплывали картины. Катя в больничной палате. Орлов, кашляющий в темноте у моего подъезда. Вольский, протягивающий мне флешку. Дворкин, шепчущий мне на ухо в коридоре. Это были не мысли. Это были осколки моей разбитой жизни, которые вспыхивали и гасли за сухими строчками приговора.

«Суд установил, что деятельность ответчика на протяжении длительного времени осуществляется с существенными нарушениями действующего законодательства Российской Федерации...».

Ложь. Нарушения были мелкими и формальными, их можно было устранить за один день. Но в тексте приговора они выглядели как система, как злостный умысел.

«...кроме того, представленные в материалы дела доказательства свидетельствуют о том, что деятельность Саентологической церкви Москвы не соответствует ее уставным целям и представляет угрозу общественным интересам...».

Еще одна ложь. Доказательства были сфабрикованы. Угроза была выдумана. Но на бумаге все выглядело логично и страшно.

Я перевернул страницу. Взгляд невольно остановился на Вольском. Он не смотрел на меня. Он смотрел в окно, на серое ноябрьское небо. Казалось, ему уже все равно. Он проиграл не сегодня. Он проиграл в тот день, когда решил, что закон и справедливость — это одно и то же.

Я дошел до резолютивной части. Самое страшное всегда звучит просто и буднично.

«...руководствуясь статьями 194-199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суд решил...».

Я сделал паузу. На секунду в зале повисла абсолютная, звенящая тишина. В этой тишине я услышал, как бьется мое собственное сердце. Тук. Тук. Тук. Как молоток судьбы. Как шаги по эшафоту.

«Исковые требования Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве к Религиозной организации «Саентологическая церковь Москвы» — удовлетворить».

Я видел, как дрогнули плечи у женщины, сидевшей за Вольским. Видел, как прокурор сжал кулак под столом. Видел, как на лице Дворкина расцвела торжествующая улыбка.

«Ликвидировать Религиозную организацию «Саентологическая церковь Москвы».

«Исключить сведения о ней из Единого государственного реестра юридических лиц».

Я закончил. Последнее слово повисло в воздухе и медленно осело, как пыль.

— Решение может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение месяца, — добавил я механически.

Я поднял деревянный молоток. Он показался мне невероятно тяжелым. Я ударил им по подставке. Один раз. Короткий, сухой звук. Как выстрел.

Все. Спектакль окончен.

Я встал. Все в зале тоже встали. Я повернулся и пошел в свою совещательную комнату, не глядя ни на кого. Я чувствовал на своей спине десятки взглядов. Взгляд Дворкина — торжествующий. Взгляд Вольского — пустой. Взгляд журналистов — хищный. Я шел, глядя прямо перед собой, по этому длинному пути позора. Дверь за мной закрылась, отсекая шум зала.

Я остался один. Я снял мантию и бросил ее на стул. Подошел к окну. Внизу сустились люди, разъезжались машины. Жизнь продолжалась. Я посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Я был спокоен. Я сделал то, что должен был сделать. Я был голосом системы — бездушным и окончательным. Именем Российской Федерации я только что убил свою душу.

Глава 14. ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

Выйдя из совещательной комнаты, я не пошел в свой кабинет. Я спустился по служебной лестнице в задний двор, где курил охранник. Мне нужен был воздух. Любой, даже этот, пропитанный выхлопами и сыростью. Я стоял, прислонившись к холодной кирпичной стене, и смотрел на грязный, растоптанный снег. Чувств не было. Только гулкая пустота внутри, как в ограбленной квартире.

Я думал, что после всего этого будет боль, раскаяние, приступ вины. Ничего. Опустошение. Будто из меня вынули все внутренности, оставив только оболочку. Я исполнил свою часть сделки. Занавес опустился.

Через какое-то время я вернулся в здание. Центральный холл гудел, как растревоженный улей. Я увидел его издалека. Дворкин. Он стоял в центре круга из журналистов, ослепленный вспышками камер, и говорил. Говорил уверенно, с видом триумфатора, только что выигравшего священную войну. Я подошел ближе, прячась за колонной.

— Это не просто победа юристов Минюста, — вещал он, и его голос, усиленный диктофонами, разносился по всему холлу. — Это победа здравого смысла. Это очень важный сигнал, что наше государство, наше общество понимает всю опасность тоталитарных сект. Мы защитили наших граждан от ментальной агрессии, от технологий порабощения сознания. Сегодняшнее решение Мосгорсуда — это прецедент. Это начало большого пути по очищению духовного пространства России от деструктивных культов.

Он был великолепен в своей роли. Пророк, спаситель, рыцарь без страха и упрека. Никто из этих репортеров, жадно ловивших каждое его слово, не знал, что под белоснежными одеждами этого рыцаря скрывается циничный делец, торгующий страхом. Они видели героя. А я видел его истинное лицо.

В какой-то момент он, отвечая на очередной вопрос, повел головой и наши взгляды встретились. Через толпу, через вспышки камер. Он на долю секунды прервал свою речь. Улыбка на его лице не дрогнула, но в глазах я увидел узнавание. И он сделал это. Он едва заметно, почти неощутимо кивнул мне. Это был не жест благодарности. Это был кивок хозяина, который потрепал по загривку свою собаку, хорошо выполнившую команду «апорт». В этом кивке

было все: и признание моей роли, и презрение ко мне, и окончательное утверждение его власти. Я был его вещью. Инструментом. И он только что это подтвердил.

К горлу подкатила тошнота. Я отвернулся и быстро пошел прочь, к своему кабинету. Этот кивок был унижительнее любой взятки, любого шантажа. Он окончательно закрепил мой статус. Я не был даже падшим ангелом. Я был просто шестеренкой в его машине, которую можно смазать, использовать и выбросить, когда она изнашивается.

В кармане завибрировал телефон. Тот самый, кнопочный, безымянный. Я достал его дрожащими руками. На экране было одно слово: «Готово».

Я зашел в кабинет, запер дверь и сел в кресло. Готово. Это означало, что остаток суммы переведен. Сделка полностью закрыта. Долг уплачен. Катя будет жить.

Я смотрел на телефон в своей руке. Этот маленький кусок пластика был моим единственным связующим звеном с тем миром, миром Дворкина, миром сделок и тайных парковок. Теперь он был не нужен. Я открыл окно. Холодный ветер ворвался в кабинет, запахло снегом. Я вытащил сим-карту, сломал ее пополам. Потом с силой швырнул телефон вниз. Он пролетел несколько этажей и с глухим стуком исчез в сугробе грязного снега. Все. Концы в воду.

Я закрыл окно и сел за стол. На нем лежали другие дела. Иски, жалобы, ходатайства. Чужие судьбы, перемолотые в юридическую пыль. Завтра будет новый день. Новый процесс. Новая ложь.

Победителей не судят. Дворкин был победителем. Он получил все: общественное признание, уничтожение врага, подтверждение своего влияния. А я? Я тоже был победителем. Я спас свою дочь.

Я сидел в тишине своего кабинета, в самом сердце российского правосудия, и остро, физически ощущал себя самым большим проигравшим в этом прогнившем городе. Я выиграл для Кати жизнь, но проиграл для нее отца. Потому что тот человек, которым я был, умер сегодня в зале суда. Остался только судья Макаров. Функция. Пустое место, обитое дорогим сукном.

Глава 15. ДОЛГИЙ ЗАКАТ

Прошла зима. Потом весна, с ее лживыми обещаниями обновления. Наступило лето, такое же душное и липкое, как и год назад. В моей жизни ничего не изменилось. Я все так же приходил в этот храм Фемиды, надевал свою черную мантию и вершил правосудие. Или то, что им называлось. Я стал образцовым судьей. Жестким, беспристрастным, непробиваемым. Мои решения были выверены и юридически безупречны. Коллеги меня уважали, начальство ценило. Я больше не пил. В этом не было нужды. Алкоголь нужен, чтобы заглушить боль. А у мертвых ничего не болит.

Дело саентологов ушло в прошлое. Их апелляцию предсказуемо отклонили. Организация была ликвидирована. Кто-то из их руководства попал под уголовное преследование по новому делу, об экстремистском сообществе. Дворкин изредка мелькал на телеэкранах, рассказывая о новых победах над силами зла. Вольский, я слышал, ушел из адвокатуры и занялся чем-то другим. Система перемолола их и выплюнула. Жизнь шла своим чередом.

Однажды вечером, когда я сидел в своем кабинете над очередным делом, зазвонил телефон. Лена. Она звонила редко, только по делу. Наши разговоры были короткими и деловыми.

— Леша, привет. Я тебе фотографии отправила. Посмотри.

Я открыл мессенджер. На экране была Катя. Она стояла на зеленой лужайке на фоне заснеженных альпийских вершин. Солнце било ей в глаза, и она щурилась. Она была худенькой, но на щеках играл румянец. И она улыбалась. Широко, счастливо, без тени той боли, что жила в ее глазах так долго. Под фотографией была подпись: «Папе. У меня все хорошо!»

Я долго смотрел на эту фотографию. На свою дочь, которая жила. Которая смеялась. Которая была счастлива. Я сохранил ее на рабочий стол, поставив рядом с той, старой, где она была еще первоклашкой.

Я закрыл ноутбук. Тишина в кабинете стала оглушительной. Я получил то, чего хотел. Вот оно, доказательство. Доказательство того, что все было не зря. Я спас ее. Я победил.

Так почему же на душе было так пусто?

Я подошел к окну. Внизу раскинулся вечерний город, зажигая миллионы огней. Он был похож на россыпь драгоценных камней на черном бархате. Красивый, манящий, хищный. Я смотрел на него и не чувствовал ничего. Ни радости, ни облегчения. Ни вины.

Я вспомнил слова председателя Верховного суда Лебедева, которые когда-то цитировал мне старый судья Семен Борисович: *«Судья ведь тоже человек, у него тоже есть свой предел психологической выдержанности, и в этом кроется опасность для правосудия».*

Предел. У каждого он свой. Для кого-то это деньги. Для кого-то — страх. Для кого-то — карьера. Мой предел оказался ценой одной детской жизни. И я дошел до него. Я заплатил. Я обменял свою душу на ее здоровье. Сделка состоялась.

Я остался здесь. В этом огромном кабинете с видом на город. В этой мантии. В этой жизни, которая больше не принадлежала мне.

Я — судья Алексей Макаров. Человек, который проиграл дело о своей погасшей совести.

Я посмотрел на свое отражение в темном стекле. На меня смотрел незнакомый, усталый человек в дорогом костюме. Пустое место. Призрак в судейской мантии.

Приговор окончательный. И обжалованию не подлежит.